

ШКОЛЬНИК ВЕСТНИК

6+

9/2019

Учредители
журнала:

АО «Молодая
гвардия»
и коллектив
редакции

Главный
редактор

Ю.И. Кочетков

Редакционная
коллегия:

С.В. Винокурова

В.И. Горбатов

В.З. Денискина

И.Н. Зарубина

О.В. Клековкина

Ю.И. Котов

В.В. Кулешов

Т.М. Морева

И.И. Семёнова

А.П. Торопцев

З.А. Шишкова

СОДЕРЖАНИЕ

ДЛЯ ВАС, РОДИТЕЛИ И УЧИТЕЛЯ
Учебно-методическое пособие «Программи-
рование без визуального контроля» **1**

Екатерина Шевичева. Нам трудно
бороться, но мы победим! **5**

Конкурс Европейского Союза Слепых
«Всемирное брайлевское эссе 2019» **26**

Лилия Черенёва, Иван Черенёв. Откуда
берутся родители **30**

ПРОБА ПЕРА

Олеся Котлярова. Стихи **39**

Светлана Труфанова. Раковина **40**

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Евгения Зуева. Стихи **41**

Юрий Сопов. Стихи **44**

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Елена Ярышевская. Стихи **55**

Екатерина Рогачёва. Карандмыши **57**

Татьяна Корниенко. Последний шанс **80**

ДЛЯ ВАС, РОДИТЕЛИ И УЧИТЕЛЯ

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ «ПРОГРАММИРОВАНИЕ БЕЗ ВИЗУАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ»

Вниманию старшеклассников, изучающих программирование, а также всех, кто осваивает эту науку самостоятельно!

Как известно, учебников информатики для специальных школ, обучающих детей с нарушением зрения, пока нет. Работа по созданию таких учебников только начинается. Российская ассоциация незрячих студентов и специалистов уже подготовила несколько специально ориентированных на работу без визуального контроля учебно-методических пособий. В этом году авторский коллектив РСИ выпускает (книга сдана в издательство) учебно-методическое пособие «Программирование без визуального контроля». Это первая книга по программированию, разработанная специально для школьников с нарушением зрения. Пособие создано при финансовой поддержке Фонда президентских грантов.

Книга будет напечатана рельефно-точечным шрифтом Брайля и распределена по специальным библиотекам и школам для слепых детей. Изложение материала книги

учитывает особенности работы без визуального контроля. В тексте приведены все необходимые клавиатурные команды программы JAWS for Windows, а также приёмы работы с брайлевским дисплеем, использование которого существенно повышает эффективность программирования.

В пособии изложены основы теории алгоритмов и практического программирования на таком популярном языке, как Python. Материал пособия соответствует уровню школьной программы по информатике и ИКТ, а в главе 9 немного выходит за его пределы. Python — это высокоуровневый скриптовый язык программирования интерпретирующего типа, достаточно простой для изучения язык. Используя предлагаемое пособие, вы сможете освоить программирование на нём. Язык Python входит в школьную программу, используется в контрольно-измерительных материалах единого государственного экзамена по информатике и ИКТ, что делает пособие весьма полезным для подготовки к ним.

Если вы самостоятельно осваиваете современные информационные технологии, то Python хорошо подойдёт в качестве первого языка для изучения программирования. Популярность Python продолжает расти, его часто используют для создания плагинов и скриптов, а также более масштабных проектов. Опираясь на данное пособие, вы сможете получить необходимые знания по теории алгоритмов и освоить практические приёмы программирования. Книга содержит материал по важнейшим темам программирования, а его изложение учитывает особенности работы на компьютере без визуального контроля.

Главы 1 и 2 пособия посвящены изучению алгоритмов. Здесь приведены важнейшие свойства и формы их записи, описаны основные алгоритмические конструкции. Особо следует отметить тот факт, что в этих главах на основе рельефной графики подробно описываются блок-схемы и способы работы с ними. Это первое издание по брайлю, содержащее рельефные изображения основных блоков и примеры блок-схем.

Главы 3 и 4 посвящены истории развития языков программирования, в них приводятся рекомендации по установке и работе с интерпретатором Python без визуального контроля, а также дан обзор интернет-ресурсов с информацией о Python.

Главы с 5-й по 8-ю описывают приёмы реализации линейной структуры, ветвления, циклов и рекурсии, что полностью охватывает необходимый для школьников объём знаний по программированию, определённый Федеральным государственным образовательным стандартом.

Глава 9 содержит начальные сведения по работе со звуком и графикой на языке Python и выходит за рамки необходимого минимума школьной программы.

Глава 10 содержит справочный материал по работе с программой JAWS for Windows и брайлевским дисплеем. В ней приведены рекомендации по использованию восьмиточечного (компьютерного) брайля и даны написания в этой системе специальных символов, используемых в программировании.

Помимо брайлевского варианта книга представлена в формате DAISY и в виде документа MS Word. В этих форматах книгу можно найти на сайте <http://oooi-rsi.ru>

На этом же сайте размещены два первых учебно-методических пособия серии, разрабатываемой авторским коллективом РСИ.

Желаем вам успехов в освоении такой интересной и полезной темы, как программирование!

НАМ ТРУДНО БОРОТЬСЯ, НО МЫ ПОБЕДИМ!

Жизнь российских незрячих во все времена полна страданий, лишений, дискриминации и унижений. Несколько веков назад слепые занимали самую низшую ступень социальной лестницы нашего общества, влача нищенское существование и находясь практически в полной зависимости от своих родственников. Сколько в стране насчитывается инвалидов по зрению и, в частности, работающих слепых, известно лишь приблизительно. В. Куприянов в своей книге, посвящённой Санкт-Петербургской организации ВОС, приводит следующие данные.

Согласно выборочной переписи 1886 года около 97% слепых России вообще не имели никаких занятий. Оставшиеся 3% так или иначе зарабатывали на жизнь. Из них 0,7% работали музыкантами, 0,4% вили верёвки, 0,3% плели корзины, лапти, были задействованы в сельском хозяйстве (хлебопашество), 0,2% незрячих занимались рукоделием и торговлей, а 0,1% — сапожным ремеслом, сукнованием тканей, работали певчими и звонарями в церквях. Но, конечно же, даже среди такой незащищённой категории граждан всегда находились те, кто мечтал и стремился работать, быть независимым, получать образование, жить так, как живут все обычные люди. Возникновение масштабного общественного движения российских незрячих за улучшение своего социального и финансового положения отмечается лишь в конце XIX начале XX веков. Эпицентром такого движе-

ния стал Санкт-Петербург. Перемены всегда начинаются в столицах.

По данным переписи населения за 1897 год в России в конце XIX века проживало около 250 000 тотально слепых разного пола и возраста. Как правило, большинство трудоспособных незрячих в это время по-прежнему было лишено постоянной работы, достойного заработка и практически полностью зависело от своего зрячего окружения.

Но по сравнению с жизнью слепых по всей территории нашей необъятной страны жизнь незрячих в Санкт-Петербурге существенно отличалась. В столице огромной империи располагалась администрация крупных благотворительных организаций, например, Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых, Императорское Человеколюбивое общество (ИЧО), братство во имя Христа Спасителя для помощи слепым. Всего в этот период в стране насчитывалось 4 959 благотворительных учреждений. Благодаря этим обществам создавались общежития, приюты, убежища и учебные заведения для слепых. Важным направлением деятельности крупных благотворительных обществ было приобщение незрячих к труду.

Один из выдающихся общественных деятелей того времени, известный врач-окулист А.И. Скребицкий писал, что необходимо воспитывать у слепых потребность к труду: «Нужно преобразовать беспомощного слепца в честного труженика, уверовавшего в свои силы и представляющего наглядное доказательство того, что и он стал полезным членом общества».

Но на практике занять слепых каким-либо трудом оказалось довольно сложно. Требовалось научить незрячих

таким ремёслам, которые не только позволяли бы им работать без посторонней помощи, но и помогли бы зарабатывать на жизнь, быть конкурентоспособными.

Крупнейшим центром трудоустройства слепых в до-революционной России были начавшие работать в 1892 году мастерские К.К. Грота, рассчитанные на 120 человек. Все работники подразделялись на учеников, чьё проживание и обучение оплачивало благотворительное Попечительство, и самостоятельных рабочих. Заботу о поставке сырья для изготовления щёток и плетения корзин, а также сбыте готовой продукции брало на себя Попечительство о слепых. Самостоятельные рабочие жили на частных квартирах. Рабочий день составлял 10 часов.

Но благотворительность и частные пожертвования без поддержки государства не могли существенно улучшить качество жизни всех российских слепых. Даже в Петербурге картина занятости незрячих по-прежнему оставалась плачевной.

Согласно переписи 1910 года в городе на Неве из 2 032 незрячих обучались, проживали в убежищах или благотворительных приютах всего 585 человек (29%). Этот показатель в 15 раз превышает данные по всей России, где благотворителями было охвачено всего лишь около 2% слепых. 667 незрячих петербуржцев (33%) полностью зависели от родственников. 217 слепых (10%) занимались попрошайничеством. И лишь 125 незрячих (6%) реально зарабатывали на жизнь. Разумеется, благотворительные организации могли обеспечить работой лишь незначительную часть трудоспособных слепых.

Такая ситуация и подтолкнула незрячих к поиску выхода из сложившегося положения. Слепые не только в

Петербурге, но и по всей стране уже понимали, что сделать их независимыми и самодостаточными может только труд. Идея реализации права на труд стала основной мечтой и требованием незрячих.

Кроме того, те слепые, кому посчастливилось найти работу в благотворительных обществах, всё чаще стали испытывать недовольство казарменным положением и собственной зависимостью от администрации учреждений. Слепые начинают самостоятельно подыскивать себе работу. Именно в это время расширяется перечень профессий, доступных для незрячих. Появляются настройщики клавишных инструментов, тапёры в кинотеатрах, массажисты, музыканты и певцы в трактирах и ресторанах. Конечно, на работе самостоятельным слепым приходилось преодолевать жёсткую и даже жестокую конкуренцию, искать возможности сбыта своей продукции. Общие проблемы на открытом рынке труда, и взаимные интересы привели к тому, что стали появляться трудовые артели слепых.

Так, например, в 1908 году появилась «Санкт-Петербургская артель слепых, живущих своим трудом», объединившая свыше 70 незрячих разных профессий. Формально артель находилась под покровительством Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых, но его руководство довольно скептически относилось к самой идее объединения незрячих тружеников. Однако артель неуклонно пополнялась новыми членами и буквально за несколько лет уже насчитывала около 150 слепых. В её уставе были ясно прописаны цели объединения:

«Доставление своим членам заработка по тем отраслям труда, которые доступны для слепых, как-то: кор-

зинное и щёточное производства, переплёт стульных сидений, рукоделие, хоровое пение, настройка и игра на рояле, массаж, чтение по усопшим, переписка книг и нот и другие.

Создание для своих членов как можно лучших условий жизни» и так далее.

В течение десяти лет старшиной Петербургской артели был Николай Гаврилович Филатов, инженер, потерявший зрение в 1890 году в результате взрыва в питерском железнодорожном депо.

Санкт-Петербургская артель слепых стала первым крупным объединением незрячих в России. Она распалась в 1918 году, не сумев перенести смены социально-экономического строя страны. В этом же году умер бесценный лидер артели Н.Г. Филатов.

Перед началом Первой мировой войны на фоне революционных настроений объединительное движение незрячих только усилилось. Идея создания организации, которая отстаивала бы интересы слепых по всей стране, всё больше укреплялась и кружила головы незрячих революционеров. В результате потребность создания единого союза слепых нашла своё отражение в «Воззвании ко всем слепым», опубликованном 20 февраля 1916 года в газете «Русские ведомости» и ряде других изданий. В этом документе чётко и последовательно излагались проблемы, назревшие в сообществе незрячих. Одним из авторов «Воззвания» был Василий Иванович Нечаев, художник, в последствии ставший руководителем созданного в 1916 году Всероссийского Союза слепых (ВСС).

Главная идея «Воззвания» — призыв к объединению и созданию Всероссийского Союза слепых. «Будем по-

мнить, что в единении — наша сила и наше освобождение». Документ заканчивается уверенностью в том, что слепые более не будут обузой для общества, государства и семьи: «Нам трудно бороться, но мы победим!»

В уставе Союза были обозначены цели и задачи организации:

«Всячески развивать духовную жизнь и улучшать правовое и материальное состояние слепых в пределах всей России.

Распространять и укреплять среди слепых всей России идеи единения, взаимопомощи и самодеятельности».

Эти идеи на протяжении десятилетий были и остаются основными принципами деятельности появившегося позднее Всероссийского Общества слепых.

Конечно же, важное место в уставе ВСС занимает вопрос трудоустройства и организации труда незрячих. Вот некоторые пункты устава, в которых говорится, чем занимается Союз в этом направлении:

— учреждает центральные ремесленные мастерские в Петрограде и содействует устройству различных мастерских в Москве и провинции;

— в целях сбыта изделий слепых устраивает базары, магазины, склады и прочее;

— всячески содействует развитию и процветанию существующих трудовых артелей, хоров и оркестров слепых, а также возникновению новых подобных организаций;

— организует биржи труда, посреднические конторы и прочее для своих слепых членов.

Актуально и для нашего времени звучит 25-й пункт устава: «Союз ходатайствует перед правительством, а также перед земскими и городскими самоуправлениями об издании особых законов, обязательных постановле-

ний и правил, а равно о принятии разных мер, ведущих к улучшению положения слепых в России».

Создание ВСС повлекло за собой возникновение объединительного движения незрячих по всей стране. Нам мало известно о реальной деятельности ВСС в период революции и Первой мировой войны, неизвестно также, как и чем зарабатывали незрячие Петрограда и страны в целом в эти тяжёлые годы. Ясно одно, что значение ВСС как предшественника ВОС нельзя недооценивать. Эта организация стала мощным толчком к возникновению похожих объединений слепых по всей России.

Довольно длительное время успешно работали московское и иркутское отделения Союза слепых. Но наиболее яркий след в истории объединительного движения слепых оставило, пожалуй, Смоленское отделение ВСС. В 1917 году оно опубликовало сборник стихов незрячих поэтов «Голос слепых». На титульном листе сборника надпись: «Воззвание и стихотворения составлены слепыми». Внизу указана стоимость сборника и сообщено, что все сборы от его продажи пойдут на развитие Смоленского отделения ВСС. Сборник открывает воззвание «Голос слепых», написанное, вероятно, В.И. Нечаевым. Автор утверждает, что февральская революция совершенно не улучшила жизни слепых, а исключительно благотворительная помощь просто не может изменить ситуацию: «Как в старину, так и теперь слепые влачат по большей части тягостное и приниженное существование в беспросветной тьме под гнётом нужды и тяжкого бесправия». Далее автор призывает взяться самим за дело. Но если раньше на жалобы незрячих был один ответ — милостыня, то теперь слепые должны требовать не подаяния,

а равных прав со зрячими на полноценную жизнь и труд. В 1924 году Смоленское отделение Союза слепых успешно было реорганизовано в один из отделов ВОС.

Серьёзные перемены в социальной и экономической жизни незрячих произошли в 1917 году после Октябрьской революции. В это время социальное обеспечение инвалидов было поднято на государственный уровень. Государство признало за инвалидами право на достойное место в жизни общества. Незрячие СССР наравне с обычными гражданами получили право на труд, социальное обеспечение, образование, здравоохранение, отдых, став полноценными членами советского социума.

По всей стране открывались дома инвалидов, где незрячие, в том числе потерявшие зрение на Гражданской и Первой мировой войнах, находились на полном гособеспечении. Кроме того, основу государственной политики СССР в области социального обеспечения составляли принципы борьбы с паразитизмом и тунеядством. Была поставлена чёткая задача «вернуть к трудовой жизни каждого, выбитого из трудовой колеи». Результатом такой политики стало создание кооперативных объединений инвалидов, в том числе и незрячих. Так, в 1921 году в Ленинграде был создан Всероссийский кооперативный союз инвалидов (ВСЕКООПИН-СОЮЗ). Его целью было профессиональное объединение инвалидов и включение их в трудовую деятельность. В 1923 году на съезде союза нарком финансов Н.А. Милютин утверждал, что основная задача общества — «вернуть инвалидов в ряды трудящихся, помочь сделать полезными членами общества».

Незрячие таким образом получили поддержку государства и активно включились в общественную и трудовую жизнь, хотя по-прежнему реализация прав инвалидов в большинстве случаев зависела от активности и инициативы самих слепых. Зачастую труд, забота о полноценной бытовой и социальной жизни незрячих оставалась делом самих незрячих.

А в Москве в сентябре 1923 года уже сформировалась инициативная группа по созданию Всероссийского общества слепых, которую возглавил Борис Петрович Мавромати. В 1925 году 6 апреля он открыл I учредительный съезд ВОС, на котором присутствовало 124 делегата из 23 российских губерний. Именно эта дата считается днём основания организации. Согласно данным официального сайта Всероссийского общества слепых vos.org.ru в это время во всей стране было зарегистрировано 472 000 незрячих. Около 90% из них не имели работы.

Исторически сложилось так, что ВОС суждено было стать первой в СССР общественной культурно-просветительской и производственно-хозяйственной организацией слепых. В 1925 году на субсидию Мосгуботдела и членские взносы ВОС удаётся открыть электромоторное объединение слепых, известное как ЭМОС. В 1929 году на его базе объединились полукустарные и кустарные мастерские Москвы, где работали незрячие. ЭМОС стал довольно перспективным предприятием по трудоустройству инвалидов по зрению.

В 1927 году создаётся кооперативное объединение незрячих «Минерал». Слепые рабочие этой артели принимали активное участие в строительстве Московского

метро. Роскошные плиты красного мрамора, отполированные незрячими, и по сей день украшают вестибюль станции «Красные ворота».

С 21 июня 1927 года, согласно решению Совета народных комиссаров РСФСР, по всей стране стали регулярно проходить недели помощи слепым. В рамках этих мероприятий люди познакомились с жизнью незрячих сограждан. В эти дни в Смоленске, Калуге, Кинешме, Нижнем Новгороде традиционно устраивали ярмарки, где продавали изделия, выполненные слепыми: бумажные пакеты, корзины, щётки и даже электровентиляторы.

21 июня 1936 года Ленинградский отдел общества слепых открывает завод электромоторов и экспедиционного снаряжения, который обеспечил постоянный заработок более 300 незрячим рабочим.

Все эти мощные предприятия ВОС прекратили своё существование вместе с развалом СССР. Но были и исключения из правил. В конце 1930-х годов возникло объединение творческих коллективов Московской организации ВОС — одно из первых подобных объединений незрячих в СССР, сохранившихся до наших дней и до сих пор, как это не удивительно, пытающееся выполнять пункты своего устава. Но всё по порядку.

13 июня 1944 года приказом Комитета по делам искусств при Совете народных комиссаров, при Президиуме Центрального правления ВОС с целью трудоустройства профессиональных артистов-инвалидов по зрению было организовано Объединение музыкальных коллективов. Эта организация дала слепым музыкантам, вокалистам, мастерам художественного слова возможность зарабатывать на жизнь, выступая на концертных

площадках, во фронтовых госпиталях, на заводах и предприятиях страны.

18 июля 1952 года прежняя организация получила новое название — «Музыкально-эстрадное объединение Московского городского правления ВОС» (МЭО МГП ВОС), ныне МЭРЦ — Музыкально-эстрадный реабилитационный центр.

Период расцвета деятельности МЭО пришёлся на 1960-е годы. Вплоть до 1991 года в музыкальном отделе объединения работал 201 человек, из них 170 — творческие работники, было организовано 10 вокально-инструментальных ансамблей, группа профессиональных органистов, обслуживающих гражданские панихиды в московских крематориях, два квинтета и духовой оркестр, выступавший на танцевальных вечерах, в кинотеатрах, кафе и ресторанах. Концертный отдел МЭО организовывал на предприятиях и в учреждениях Москвы филармонические, эстрадные и детские концерты.

С развалом СССР наступили тяжёлые времена и для артистов ВОС. Музыкально-эстрадное объединение испытало на себе все тяготы этого сложного периода. В музыкальном отделе распались все ансамбли за неимением работы, число артистов сократилось на три четверти, а концертный отдел едва выдерживал конкуренцию со зрячими коллегами по творческому цеху. Многие музыканты пошли работать в подземные переходы. В 1999 году руководство ВОС приняло постановление о ликвидации «Музыкально-эстрадного объединения Московского городского правления ВОС».

8 июня 1999 года правопреемником МЭО стало некоммерческое учреждение — «Музыкально-эстрадный реабилитационный центр Московской городской органи-

зации ВОС» (МЭРЦ). Экономическая ситуация в стране серьёзно отразилась на его деятельности. В начале 2000-х годов организация работала в прямом смысле слова в режиме выживания. Рынок музыкально-эстрадных услуг оказался переполнен безработными зрячими музыкантами. Возросла конкуренция. Музыкальный и концертный отделы едва сводили концы с концами. Артисты ВОС в этот период потеряли большинство своих концертных площадок не только в Москве и области, но и в регионах. За незрячими артистами осталась лишь пансионат для инвалидов по зрению.

К 2006 году в МЭРЦ работали лишь 60 человек. Финансирование деятельности центра также практически прекратилось. Одна из самых престижных и когда-то востребованных организаций ВОС оказалась на краю банкротства. В 2007 году генеральным директором МЭРЦ был назначен Алексей Черёмуш — профессиональный незрячий музыкант, выпускник эстрадно-джазового отделения по классу гитары Государственного музыкального училища имени Гнесиных.

— Наша организация во все времена была на самокупаемости, — рассказывает Алексей. — Трудоустройство и трудовая реабилитация профессиональных незрячих музыкантов и сегодня является основной уставной деятельностью МЭРЦ.

На протяжении многих десятилетий МЭО было невероятно престижной организацией. Зрячие артисты театра и кино, певцы и музыканты считали за честь выступать с артистами ВОС, да и заработки в МЭО всегда были гораздо выше, чем в объединениях зрячих музыкантов. Поэтому в МЭО всегда шли лучшие. Подбором концертных площадок для выступления артистов ВОС

занимался специальный отдел. Но попасть в МЭО было довольно сложно: только через худсоветы и довольно серьёзные прослушивания, музыканты проходили аттестацию в Министерстве культуры.

— Я сам неоднократно пытался устроиться в МЭО, — вспоминает Алексей Черёмуш. — В то время я ещё заканчивал музыкальную школу по классу классической гитары, готовился к поступлению в училище имени Гнесиных и мне хотелось какой-то практики. Но меня не брали, так как у меня не было соответствующего уровня подготовки. Лишь в 1992 году, когда я закончил училище, создал собственную студию цифровой звукозаписи и руководил ансамблем «U.S. + Double-Alex», на меня обратили внимание в МЭО.

Когда меня пригласили возглавить МЭРЦ, единственным источником дохода организации было обслуживание гражданских панихид в московских крематориях. На счету организации было 40 тыс. рублей на 60 сотрудников. По-прежнему каждый год мы испытываем какие-то катаклизмы, каждый раз сталкиваемся с проблемами самоутверждения. Сейчас в МЭРЦ работают около 40 человек. Осталось лишь два направления — концертный и музыкальный отделы. Сегодня в концертном отделе существует лишь один ВИА «МЭРЦ и Паны». Музыканты этого коллектива работают и на открытом рынке труда, они всегда востребованы.

Несмотря на сложности в 2009 году руководителю МЭРЦ удаётся создать собственную студию Merc Records и всячески развивать это направление. По мнению Алексея Черёмуша, студия даст возможность трудоустроить сессионных музыкантов, монтажёров, звукорежиссёров и других людей, обслуживающих студию звукозаписи.

— Сегодня высокая конкуренция на рынке музыкально-эстрадных услуг. МЭРЦ испытывает острую нехватку профессиональных кадров. Найти стоящего музыканта сегодня не просто. Уровень подготовки очень низкий. А я не могу брать на работу непрофессионалов. Имидж организации и так серьёзно пострадал, — заключает руководитель МЭРЦ.

Такая ситуация на рынке труда незрячих немного утешает. Оказывается, приток свежих кадров Музыкально-эстрадному реабилитационному центру необходим. Поэтому можно надеяться, что у незрячих специалистов, работающих в этой сфере, всё-таки шанс на трудоустройство есть.

Но вернёмся к анализу ситуации с трудоустройством в системе Всероссийского общества слепых. В 1940 году ВОС получает разрешение на создание собственных учебно-производственных мастерских и комбинатов, которые в дальнейшем сформировались в знаменитые УПП (учебно-производственные предприятия). Эти мастерские активно работали даже во время Великой Отечественной войны. Незрячие производили формы для полевых пекарен, специальные коробки для мин, плели маскировочные сети, изготавливали валенки для солдат и прочее. Эти предприятия смогли обеспечить работой и военноослепших.

Чтобы незрячие, проживающие в сельской местности, также могли работать и зарабатывать на жизнь, в ноябре 1951 года на VII съезде ВОС было принято решение о строительстве рабочих общежитий и многоквартирных домов.

В этот период ВОС являло собой крупную и финансово независимую от государства организацию. За счёт

общества строились производственные помещения, школы, жилые дома, уделялось большое внимание ослепшим военнослужащим. Так, за годы войны ВОС смогло обучить различным ремёслам около 5 817 солдат, потерявших зрение.

В 1963 году в рамках X съезда ВОС было обозначено главное направление деятельности организации — качественное и рациональное трудоустройство людей с нарушением зрения. УПП модернизировали, оснастив новым оборудованием. Одним из важных направлений работы предприятий общества стали специализация труда и внедрение конвейерного производства. Для слепых открылись новые перспективы трудоустройства. Как сообщает официальный сайт ВОС, к 50-летию организации проблема трудоустройства незрячих была решена.

В 1992 году после издания указа «О дополнительных мерах государственной поддержки инвалидов», люди с нарушением зрения получили ряд льгот и необходимую помощь в условиях перехода экономики России к рыночным отношениям. Но в 1990-е годы произошёл резкий спад производства на предприятиях ВОС, что привело к сокращению рабочих мест.

Какие же попытки в отношении трудоустройства незрячих предпринимает ВОС сегодня?

По мнению Константина Лапшина, руководителя Приёмной по обращению граждан и определению возможностей трудоустройства инвалидов по зрению ВОС, в настоящее время рынка труда для незрячих фактически не существует.

— По мере возможности мы помогаем им в трудоустройстве, в обретении работы. По данным Министерства труда и социальной защиты РФ на сегодняшний

день в России насчитывается 412 тыс. инвалидов по зрению. Из них членов ВОС — около 205 тыс. При этом 70 тыс. (около 30%) незрячих — люди трудоспособного возраста. Из них работают и учатся 20 тыс. (28%) членов ВОС. Это самая активная часть из числа инвалидов по зрению. Для сравнения, в странах Европы этот показатель достигает в среднем 20%.

Мы собираем статистику профессиональных предпочтений и актуальных профессий, — продолжает Константин Лапшин. — До 2019 года самой актуальной профессией среди незрячих специалистов, работающих на открытом рынке труда, имеющих среднее специальное или высшее образование, были массажисты. Собственно, эта профессия среди незрячих до сих пор популярна. Слепые массажисты составляют примерно треть от всего числа работающих инвалидов по зрению.

На втором месте специалисты, работающие в сфере образования: учителя, преподаватели, научные сотрудники. Их около 18%.

10% из числа инвалидов по зрению, работающих на открытом рынке труда, составляют люди, задействованные в сфере индивидуальной трудовой деятельности: это прежде всего самозанятость, а также индивидуальное предпринимательство.

Около 6–7% составляют музыканты, преподаватели музыки. Число реально работающих музыкантов резко уменьшилось, так как рынок труда незрячих тоже в этой области сократился.

Около 5% составляют специалисты, работающие в сфере информационных технологий. По 2–4% приходится на каждую категорию незрячих специалистов, рабо-

тающих в сфере психологии, юриспруденции, менеджмента, в библиотеках.

Конечно же, встречаются единичные профессии, ранее не свойственные незрячим, полицейские, военнослужащие, организаторы мотогонок.

Приёмная по обращению граждан и определению возможностей трудоустройства инвалидов по зрению ВОС не занимается поиском работы для конкретного человека. Специалисты этого отдела находят вакансии, доступные для инвалидов по зрению, и размещают их на сайте trudvos.ru. Но это ещё не значит, что соискатель будет трудоустроен на выбранную вакансию, так как, несмотря на предварительные договорённости с работодателем, последнее слово всё равно остаётся за ним.

Причины отказа со стороны работодателей бывают разные. Например, зачастую отказ мотивируется тем, что коллектив компании не готов воспринять незрячего человека. Или руководитель организации заявляет, что инвалиду будет сложно добираться до своего рабочего места или незрячему будет трудно работать и справляться с должностными обязанностями из-за специфики деятельности. Но бывают ситуации, когда работодатель не принимает на работу незрячих, уже имея негативный опыт сотрудничества с инвалидами по зрению. Как правило, такие горе-сотрудники занимают иждивенческую позицию и засыпают работодателя необоснованными претензиями и требованиями по организации рабочего места, создают массу проблем при взаимодействии с ними.

Чаще всего работодатель сообщает, что он готов принять на работу инвалидов любой категории, кроме незрячих.

— То есть незрячие подвергаются сегодня двойной дискриминации — сначала как инвалиды, а потом как инвалиды по зрению, — поясняет Константин Лапшин. — Даже специалисты РООИ «Перспектива», имеющие огромный опыт по трудоустройству инвалидов на открытом рынке труда, говорят, что мы правы в своих суждениях. Всё-таки пора постепенно обществу приходить к пониманию того, что незрячие люди — это особая категория инвалидов, которая требует специфических технологий образования и трудоустройства.

В настоящее время государство оказывает поддержку в трудоустройстве инвалидов по зрению в виде госпрограммы квотирования рабочих мест. Но и здесь есть свои сложности. Квоты на рабочие места для инвалидов на предприятии рассчитываются в зависимости от количества сотрудников. Так, если штат компании выше 35 человек, количество работающих в ней инвалидов может составлять лишь 2–4% от общего числа сотрудников.

В рамках квотирования рабочих мест в августе 2011 года по поручению мэра Москвы С. Собянина был создан Центр мониторинга общественного мнения (Call-центр АО «Олимп»), который проводит социологические опросы по актуальным для столицы темам. При поддержке Правительства Москвы также созданы и оборудованы рабочие места для инвалидов по зрению. Заработная плата составляет 17 500 рублей. Конечно же, Call-центр не способен удовлетворить потребности в трудоустройстве всех слепых, желающих работать. Да и на страничке группы VK размещено объявление, сообщающее, что созданы «рабочие места для граждан с ослабленным зрением». Означает ли это, что у тоталь-

но слепых мало шансов конкурировать со слабовидящими? Или это аккуратная фраза позволяет работодателю найти объективную причину отказа?

Как рассказал Константин Лапшин, в некоторых регионах государство выплачивает субсидии, финансируя таким образом создание рабочих мест для инвалидов по зрению. Но такое финансирование, как правило, не превышает 70 тыс. рублей, а этих денег мало. Процедура эта также крайне трудоёмкая, работодатели на неё соглашаются неохотно, потому что добиться этих денег очень сложно.

— Получается, что нас, незрячих, на открытом рынке труда нигде не ждут, — заключает К. Лапшин. — Трудоустройство незрячих — дело рук самих незрячих. Либо человек ищет работу самостоятельно, либо через наш отдел, либо это уникальные единичные случаи помощи местных властей. Конечно, есть некоторые положительные моменты. В этом году мы получили более или менее устойчивый контакт с центром «Моя карьера» Департамента труда и социальной защиты города Москвы. Мы стараемся незрячих, получивших высшее образование, имеющих востребованную специальность, не только регистрировать у себя, но и направлять на открытый рынок труда через этот центр, чтобы государственная структура тоже фиксировала этих людей и как-то помогала в трудоустройстве инвалидов по зрению. Например, за несколько месяцев сотрудничества нам удалось через центр «Моя карьера» трудоустроить психолога Олесю Малышеву на должность консультанта по кадрам в компанию «PricewaterhouseCoopers», но она, правда, слабовидящая.

Что касается предприятий ВОС, обеспечивающих массовое трудоустройство незрячих, то тут есть свои сложности. Проблема заключается в том, что все крупные производственные организации ВОС создавались при Советском Союзе. Были другие условия, были фиксированные государственные заказы. Предприятия общества слепых практически не платили налогов. Инвалиды по зрению были также освобождены от налогообложения. Поэтому свободные деньги предприятия ВОС вкладывали в людей: строились общежития, жильё, санатории, создавались рабочие места. Каждое предприятие общества являлось по сути реабилитационным центром.

В 1990-м году 69 500 незрячих в стране активно работали, — подчеркнул Константин Лапшин. — Более 55 тыс. из них трудились на предприятиях ВОС и 14 тыс. на открытом рынке труда. Сегодня наше общество лишилось налоговых льгот, прекратились государственные заказы на производство определённой продукции. Предприятия ВОС вынуждены платить налоги на общих основаниях, как другие коммерческие фирмы. Конечно, в таких условиях сохранять высокую численность трудоустроенных инвалидов по зрению невозможно. Сегодня на предприятиях Всероссийского общества слепых по всей стране работают лишь 3 865 человек.

Но несмотря на недостаточную поддержку со стороны государства и неспособность общества слепых полностью решить проблему занятости и трудоустройства людей с нарушениями зрения, инвалиды также должны принимать активное участие в решении этой проблемы. На самом деле у инвалидов по зрению очень слабая самоорганизация. Не на всех предприятиях общества существуют профсоюзы, отстаивающие права слепых

работников. Очень мало профессиональных юристов, занимающихся правовой защитой именно незрячих. Многие слепые занимают иждивенческую позицию в отношении трудоустройства, считая, что открытый рынок труда должен встречать их с распростёртыми объятиями и делать всяческие уступки или ВОС неустанно должен обеспечивать работой всех желающих. Но СССР уже давно ушёл в прошлое, а в современной России сложились совершенно другие социально-экономические условия. Поэтому инвалиды по зрению, как впрочем и все остальные трудоспособные и стремящиеся к профессиональной самореализации люди, должны понимать, что существует жёсткая конкурентная борьба за достойное место на рынке труда.

КОНКУРС ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА СЛЕПЫХ (ЕСС) «ВСЕМИРНОЕ БРАЙЛЕВСКОЕ ЭССЕ 2019»

Василиса Карпенко

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ФАНТАЗИИ В СТРАНЕ БРАЙЛЯ

Дорогой читатель, помнишь, как написал Пушкин в «Капитанской дочке» от лица Гринёва: «Я у матушки и батюшки был один ребёнок». Вот и я могу сказать о себе так же. В семье у нас шестеро детей. Все здоровы, и только я одна незрячая. Одна такая. Я не печалюсь. У меня такое богатство: мама, папа, три сестры, два брата. Две школы. Общеобразовательная и музыкальная. И мир, наполненный музыкой. Музыка помогает мне во всём. Я расскажу вам, как я учила шрифт Брайля, используя музыку. Она создавала образ нужной мне буквы. Это было просто невероятно.

Беззаботное детство пролетело, и наступило время идти в школу. Всё мне было там интересно! Друзья, учителя, новые знания... Знания! Вот здесь я и познакомилась с Брайлем и его азбукой. «Пупырышки», как мама называла точки по Брайлю, чудесным образом складывались в буквы, слоги, слова, предложения. Но именно здесь меня подстерегали трудности. Зеркальные буквы — вот в чём была загвоздка! Они мне давались с трудом, сплошная путаница.

Девочка я с характером. Просто так не сдаюсь. Надо было найти решение этой проблемы. С буквами «е» и «и» я забиралась на двусторонние горки и съезжала с

них то вправо, то влево. С «з» и «ы» садилась на стул и отворачивалась тоже направо и налево. Я придумывала ещё что-то, но путаница в моей голове продолжалась.

Однажды мне в голову пришла замечательная идея. Музыка — это часть моей жизни. Я серьёзно занимаюсь ею давно. А что, если я позову её на помощь? «Ау! Музыка, помоги освоить Брайль!» И она откликнулась! Музыка поманила меня в какой-то сказочный мир. И я поняла, что все буквы — это музыканты, и всё вокруг них с ней связано.

Буква «д» — дека скрипки. Чтобы вспомнить, как она пишется, надо услышать скрипичный концерт. Какой? Я вам подскажу. Слушайте «Полонез» Огиньского! И выплывет буква «д»! А «ф» — моё любимое фортепиано, букву «ф» теперь я точно ни с чем не перепутаю. Звучит фортепианная музыка, а перед инструментом сидит буква «ф». Буква «ш» — на сцену выходит Шуберт, один из любимых мною композиторов. Он написал необыкновенную «Серенаду». Буква «с»! Шуберт и «Серенада» помогли мне запомнить зеркальные буквы «с» и «ш». А как различать буквы «х» и «ж»? «Х» — хорал, многоголосие, которое невозможно передать словами. «Ж» — да это жужжание шмеля Римского-Корсакова. Я сижу в оперном театре. Зажужжал шмель из оперы, а на нём верхом буква «ш». Или мы с мамой и сестрёнкой пришли в филармонию. Слушаем хорал. И я представляю, как по авансцене бежит буква «х». Смешная и милая.

Думаете, трудно запомнить зеркальные «р» и «в»? Что вы, что вы! Вспомним Моцарта. Как его звали? Одно из имен его Вольфганг. Зрителям поклонилась буква «в». И тут! — звучит «Реквием» Моцарта. Ну как тут можно спутать «р» и «в». Если у тебя в душе звучит «Рекви-

ем», всё в душе рвётся, рыдает, разговор с миром начинается. Не знаю, может, это только у тех, кто любит музыку.

Как различить зеркальные «т» и «ю». Вы улыбаетесь? Правильно. Звучит «Юмореска» Рахманинова, весёлая пьеса великого русского композитора. А теперь мы в прекрасной Италии. Я там не была. Но знаю о ней по урокам, по фильмам. Но чтобы запомнить букву «т», всё-таки надо оказаться в Италии. Я не видела, как итальянцы танцуют тарантеллу, но могу представить благодаря Прокофьеву, у него звучит тарантелла.

А буквы «ь» и «ъ»? «Ь» — пиано, то есть тихо, мягко. «Ъ» — форте, громко, твёрдо.

Я фантазировала бесконечно, в моей голове всё звучало и играло. Душа ликовала, сердце пело. Музыка была везде со мной. Всё получалось, ошибок становилось меньше и меньше. Музыка не может обмануть, ведь она правдива и чиста.

Однажды я увидела чудесный сон, это было волшебно. Концертный зал полон азбук разных народов. Открывает концерт Английская Азбука, в её исполнении звучит джазовая композиция Фрэнка Синатры «New-York, New-York». Зал взорвался аплодисментами. Следующей на сцену выходит Немецкая Азбука со знаменитой песней Марлен Дитрих «Lili Marlenn». Русская Азбука вышла со всеми любимой «Калинкой-малинкой», весь зал пустился в пляс, веселью не было конца. Одна азбука сменяла другую...

Завершала программу Международная азбука Брайля. Я не могу не рассказать о её программе. Ведь концерт был посвящён ей, её создателю Луи Брайлю. Сначала выступила солистка А. Она пела «Ave Maria».

В азбуке Брайля есть прекрасные дуэты. Например, дуэт Б. Этот дуэт исполнил гимн, посвящённый Луи Брайлю. А какие трио в азбуке Брайля! Как звучали голоса трио М! Квартет Н поразил весь зал. Он спел на четыре голоса грузинскую песню. Наша азбука была на высоте!

Она объединила всех, раздвинула границы общения и подарила возможность незрячим людям всей планеты писать, читать, общаться друг с другом. Международная азбука Брайля была представлена симфоническим оркестром, руководил им дирижёр его Величество Грифель. Оркестр исполнил произведение Клода Дебюсси «Лунный свет». Зал аплодировал стоя.

В этот момент я проснулась. Меня переполняло чувство радости. Моя «Музыкальная азбука Брайля» вдохновляла меня на покорение новых вершин. Теперь я знала, что мне всё под силу, я смогу преодолеть любые трудности. Просто не надо заикливаться на трудностях незрячего. Надо искать пути.

ОТКУДА БЕРУТСЯ РОДИТЕЛИ

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ДОМА

МАМА

Ну вот мы и дома! Да здравствуют мамины божественные борщи и пироги с капустой, виноград, апельсины, шоколад и много всего того, о чём в роддоме приходилось только мечтать. Что? Диета кормящей матери? Нет, не слышали. Да и современные педиатры, особенно медийные (привет, доктор Комаровский!), ссылаясь на мировой опыт, говорят, что питание женщины в период грудного вскармливания (ребёнка, конечно) почти не влияет на самочувствие малыша. Мол, хоть на одной гречке с курицей сиди, всё равно колики у младенца скорее всего будут.

Да и с происхождением самих коликов медицинские светила никак до сих пор не определяются. Предполагается, что они происходят из-за несовершенства то ли пищеварительной, то ли нервной системы; непосредственные причины тоже называются разные. Однозначно лишь то, что в эти тяжёлые для родителей часы малыш мучается животиком. Позднее мы опытным путём выяснили, что между съеденными мамой капустой, виноградом, бобовыми и коликами у ребёнка всё-таки существует какая-то взаимосвязь.

И ещё одна тема, связанная, ну или несвязанная (смотря кого слушать) с диетой кормящей матери — это аллергия. Советские бабушки вообще о таком понятии

могут не знать даже в варианте «диатез». А ещё есть атопический дерматит, то есть высыпания и покраснения на коже, являющийся следствием пищевой непереносимости. Сложно, да? На самом деле, это всё об одном и том же.

И, видимо, разнообразие терминологии порождает разнообразие мнений на этот счёт: «Ешьте только хлеб, пейте только воду! А что вы думали, быть мамой легко?!», или «Кушайте всё, что ваша душенька пожелает! Материнство — это не приговор!» Но где-то тихонько журчит ручеёк здравого смысла: «Исключайте или хотя бы ограничивайте потребление высокоаллергенной пищи — шоколада, продуктов пчеловодства, орехов, фруктов и ягод яркой окраски».

Но вернёмся к нашему конкретному ребёнку. Софию вынули из одеял и сняли с неё одноразовый подгузник, в народе именуемый памперс. Надо бы теперь помыть те места, которые запачкались, но горячей воды в кране почему-то нет. Наверное, это хитрые коммунальщики прознали, что мы с дочкой приехали из роддома, и решили устроить нам квест — справимся или нет! Но мыто не лыком шиты, у нас есть великое изобретение человечества — детские влажные салфетки.

Ну, протёрли всё, что нужно, ну надели чистый подгузник, а дальше-то что? Мама, помоги! И мама достаёт из шкафов младенческую одежду, которую мы купили сами, а также ту, что нам подарили и просто отдали.

Это что такое размером с помидорку черри? Носки! А куда их носить? Соня тоже в недоумении: ещё не умея ничего делать руками, она ловко их снимает трением ног друг о друга. Так называемые царапки, то есть рукавички совсем без пальчиков, тоже остались не у дел. А

это действительно джинсы для новорождённого? Да ещё и с карманами сзади, спереди и сбоку на коленках! Кто и зачем это вообще придумал?! А ещё многочисленные комбинезоны-слипы (от английского «sleep» — «спать»), боди (от «body» — «туловище»), песочники (от «one piece» — «один кусок») и даже распашонки-кимоно!

Дизайнеры вообще по-русски говорят? И всё это немыслимое великолепие застёгивается на невероятное количество кнопок, которые могут оказаться в самых неожиданных местах. Со временем я, конечно, наловчусь быстро отыскивать ответную часть к каждой кнопке, научусь безошибочно отличать рукава от штанин, и мой ребёнок не будет так отчаянно вертеться и кричать, но сейчас: «Мам, а есть у нас для Сони что-нибудь попроще?»

И вот из самого дальнего угла шкафа торжественно достаются бережно приготовленные бабушками пелёнки, распашонки и ползунки (Russian clothes ala Soviet Union), не хватает только музыкальной туши. Эту гениальную одежду без единой застёжки нынче предали анафеме, отлучили от миссии ухода за новорождённым. Ультрасовременные родители не любят распашонки за то, что они распахиваются, а ползунки — сползают, точно соответствуя своему названию. Но зато их так легко надевать на малыша!

А вот пелёнки, точнее заворачивание в них младенца, не приветствуют молодые педиатры, но речь здесь идёт о тугом пеленании, которое не практиковала даже моя мама; такой способ вредит правильному развитию тазобедренного сустава у ребёнка. Свободное же пеленание помогает малышу успокоиться и уснуть; оно благотворно влияет на недоношенных детей. Считается, что при

пеленании ребёнок вспоминает ощущения, которые он испытывал, когда находился в мамином животе: так же тесно, тепло и уютно!

Ах, да! Пеленать с первого раза тоже не получается. Но тут на помощь приходят современные пелёнки на липучках. Кроме таких пелёнок существуют ещё различные конверты, коконы, спальные мешки. Они бывают с рукавами, с вырезами под руки, а также без того и без другого; вместо липучек могут быть молнии или кнопки. В общем, здесь, как и с детской одеждой, разнообразие впечатляет, только держи пошире карман, ну или банковскую карту наготове.

Читателям могло показаться, что мы отвергаем большинство нынешних тенденций, игнорируем рекомендации современных врачей и вовсе застряли где-то в прошлом веке. Однако это не так, и к советам старших родственников мы тоже не всегда относились слишком серьёзно. Дело в том, что молодых родителей XXI века буквально сшибает с ног могучий поток информации, несущейся не только из компьютеров и смартфонов, а чуть ли не из утюгов и мультиварок. Здесь важно внимательно наблюдать за своим ребёнком и при выборе советов полагаться на логику и здравый смысл, добавляя к ним немного интуиции, а безусловным ориентиром должна быть безопасность малыша.

ПАПА

Когда Соня была распакована из пелёнок, на свет явилось маленькое тельце размером со среднюю по величине куклу. Теперь дочка спала в детской кроватке и занимала от силы одну шестую часть её площади.

Рост пока позволял лежать хотя бы даже и поперёк. На руках же она свободно помещалась от ладони до сгиба локтя.

Пальчики, каждый толщиной с не слишком откормленного дождевого червя, непроизвольно цеплялись за край пелёнки, а нос, размеры которого, казалось, позволяли ему надёжно спрятаться между двумя выпуклыми щёчками, издавал мерное сопение. Голова по сравнению с телом, напротив, казалась слишком большой и к тому же выглядела очень странно, потому что была сплюснутой по бокам. Позднее я узнал, что она получается сдавленной из-за прохождения малыша по родовым путям, но со временем приобретает нормальную форму.

«О, сладостный миг умиления, когда без особенных переживаний можно тихо порадоваться тому, что ты теперь папа! Отчего ты не длишься хотя бы минут десять?» — подумал я, в то время как София взбрыкнула ногами, выплюнула пустышку, проснулась и протяжно взревела.

Тут начались многочисленные попытки по характеру крика угадать желание новорождённого человека и тем снизить градус напряжения. А напрягалась София с каждой неудачной попыткой всё сильнее и сильнее. Ею уже были отвергнуты предложения тёплого грудного молока, укачивание сначала на маминых, а потом и на папиных руках, эксперимент по водворению пустышки в место её назначения, пока наконец случайно не отогнули пелёнку, и Соня сразу затихла. Надо сказать, что у детей в этом возрасте недостаточно хорошо работает система терморегуляции. Проще говоря, тело не может пока самостоятельно охлаждаться путём потовыделения, и ребёнок быстро перегревается, следствием чего будет

повышение температуры. Так я понял, что когда Соне станет жарко или холодно, она сообщит об этом, как, впрочем, и о многом другом, через крик.

В отторжении пустышки, к слову сказать, наш ребёнок проявлял весьма не детскую настойчивость, и всякий раз этот силиконовый залог тишины заканчивал свой бесславный полёт на полу возле кровати. С тех пор пустышка нам так ни разу и не помогла.

Постепенно причины криков становились для нас более ясными, а пару месяцев спустя начал меняться и их характер. По звуку мы уже могли без труда определять сферу желаемого, и стало ощутимо проще и удобнее.

Воистину, чтобы сделать человеку хорошо, нужно сначала создать ему различные сложности, а потом постепенно уменьшать их количество. Но в первый день после приезда из роддома это ещё предстояло понять, и мы с женой напряжённо перебирали возможные причины очередного плача.

Но вот настала ночь. Я наивно приготовился спать, полагая, что дети только и ждут наступления темноты, чтобы мирно уснуть после длинного трудового дня, ведь крик это тоже какой-нибудь да труд. Только я прилёг, как вдруг моя теория неожиданно для меня затрещала, или правильнее было бы сказать, закричала по швам. Под конец дня, в этом крике меня уже мало что удивляло.

Мы перебрали стандартный набор Сониных желаний и, не добившись успеха, перешли к импровизации. Но скоро выяснилось, что фантазии на тему возможных причин плача уже иссякли, а крик напротив становился всё сильнее.

В этот момент я в очередной раз почувствовал себя несостоятельным отцом. В памяти всплыли сказанные

кем-то слова о том, что родители с инвалидностью не способны полноценно ухаживать за детьми. И хотя жизненный опыт многих подобных семейных пар доказывал обратное, в тот критический момент я готов был поверить в то, что никогда так и не научусь правильно определять потребности ребёнка и быстро его успокаивать.

Пока Лиля пыталась найти ключ к разгадке Сониного страдания, я решился на отчаянный шаг. Со стороны это выглядело, должно быть, странно: мама пытается всячески успокоить новорождённого малыша, а тем временем молодой папаша садится за компьютер.

«Новорождённый ребёнок часто плачет, прижимает согнутые ноги к животу или выгибает спину» — написал я в строке поиска популярного поисковика.

Пожалуй, никогда ещё я не пользовался интернет-браузером так быстро. И он дал столь необходимый ответ. Пришлось, правда, изрядно помучиться с поиском авторитетных статей с указанием конкретного автора-врача. Я решил обойти стороной различные форумы и тем более «Ответы Mail.ru», где на ваш вопрос могут сказать, что вам попался бракованный ребёнок и можно вернуть его по гарантии, и где люди не несут никакой ответственности за правдивость информации.

По всем признакам выходило, что у Сони начинались колики. Статья из Интернета давала неутешительную информацию: «Колики могут продолжаться от полутора до трёх часов с небольшими перерывами».

Далее автор сообщал, что немного снизить страдания малыша может массаж живота, а также ежедневный приём укропной водички, которую можно либо купить в аптеке, либо приготовить дома, а также принятие во время приступов лекарств, согласованных с врачом.

Но даже выполнение всех этих условий не гарантировало стопроцентного избавления малыша от болезненных коликов, и нам втроём предстояло пережить нелёгкие полтора или ещё хуже — три часа. Слышать душевраздирающие крики, наблюдать за тем, как маленькое тельце корчится на руках, и понимать, что даже современная медицина пока не способна эффективно бороться с этим недугом, было поистине тяжёлым испытанием. Но никакие испытания не могут длиться вечно. Как-нибудь четыре-шесть месяцев, и колики перестали мучить Софию и, как следствие, нас и соседей.

Но пока раз в четыре, а иногда и в два дня, точнее ночи, Соня, очевидно, давала достаточно оснований нашим соседям не слишком лестно думать о нашем беспокойном семействе. Зато я мог теперь почувствовать некоторое удовлетворение, когда в минуты особенно грандиозного ночного Сониного крика, вспоминал громко включенные соседские колонки. «Да, — думал я тогда, — нам есть что противопоставить этой мощной аудиосистеме!»

Первая ночь после роддома тем временем подходила к своей середине. Колики постепенно затихли, и я даже начал засыпать, как вдруг очнулся от знакомого крика.

Соня, проснувшись от того, что под ней образовалась лужица, единственным доступным для неё пронзительным сигналом оповестила нас об этом. К тому же выяснилось, что мелкие и не очень лужи она способна производить каждые два-три часа. Несмотря на громкие заявления производителей одноразовых подгузников о том, что их впитывающий слой остаётся сухим всю ночь, педиатры рекомендуют менять их каждые четыре часа

и сразу после серьёзного загрязнения. Ночь для нас, таким образом, делилась на несколько частей.

Чтобы каждый из нас мог хотя бы немного поспать, мы решили менять Соне подгузники по очереди. Когда я в следующий раз встал для проведения очередной гигиенической процедуры, наступило утро. София проснулась и сразу потребовала живейшего внимания к своей персоне.

В голове моей как-то не слишком стройно перемещались и укладывались мысли. Я с трудом представлял, как сейчас поехал бы на работу. Всё-таки заранее взять отгул на следующий день после приезда из роддома была, кажется, хорошая идея.

Несколько бессонных недель спустя я начал приходить к мысли о том, что если полностью погружаться в родительство, а именно в этом теперь я видел смысл нашей жизни, то времени и, самое главное, сил уже не оставалось не только на хобби, но иногда даже и на работу. Но, к счастью, родителей двое. Одному даётся декретный отпуск, и он может часть ночных забот взять на себя, в то время как другой работает и тем самым обеспечивает финансовую стабильность.

Но если так всё непросто, то почему же родители говорят, что дети — это цветы жизни — и находят в себе силы радоваться самым незначительным успехам своей малышни? Ответ на этот вопрос ждал нас ещё где-то впереди.

ПРОБА ПЕРА

Олеся Котлярова

*Ученица специальной школы-интерната № 29
г. Георгиевск*

АЛЕКСАНДРУ ГРИНУ

Пусть мысль и музыка в согласье
Нам всем о счастье говорят,
Колокола пусть в одночасье
Ассоль и Грэю зазвенят!

Пусть этот звон растопит лень,
Растопит скуку, зависть, зло!
Спасибо, мы узнали ценность
Книг Грина — как нам повезло!

И в жизни мы не растеряем
Добро, любовь, мечту, друзей,
Героям Грина — доверяем!
Путём мечты пойдём смелей!

МОЁ ДОСТОЯНИЕ

Вот тридцать три буквы — большая семья.
Как много могу написать ими я!
Кирилл и Мефодий — творцы просвещения,
Мы вам благодарны за роскошь общения.

Наш русский язык так богат и могуч!
В российских просторах он звучен, певуч...
И как же ты сказочно щедр и богат,
Коль дивный язык этот друг твой и брат!

Всё выразить можно и душу открыть,
Используя этот прекрасный язык.
Россия моя, я горда оттого,
Что русский язык — достоянье моё.

Светлана Труфанова

*Ученица специальной школы-интерната № 29
г. Георгиевск*

РАКОВИНА

Я раковину эту
В коробке берегу,
Она лежала раньше
В песке на берегу.
Мой дедушка с Кавказа
Привёз её с собой,
Её приложишь к уху,
А в ней шумит прибой.
И ветер гонит волны,
И в комнате у нас
Мы можем слушать море,
И всё —
Как в первый раз.

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Евгения Зуева

* * *

Окрасилась осень в оттенки стыда,
В фужерах окна дожди расплескались.
Обманчивый ветер приносит сюда
Крупницы тепла, что от лета остались.

Разорвано небо на сотни полос,
Заплатами луж дорога укрылась.
На ржавчину листьев повисился спрос,
А в стаях зонтов толпа растворилась.

Заверил прогноз, что придут холода,
Простывшее горло опять разболелось.
Окрасилась осень в оттенки стыда,
И жизнь... той же краской зарделась...

МАМА

Зубная боль — ладонь на щёчку
Ты положила, и — прошло.
Опять чуть ветреную дочку
Возьмёшь ты под своё крыло.

Посмотришь ласково и строго,
Тепло, тепло, как никогда.

И спросишь: что, опять в дорогу,
А только надо ли туда?

Смеюсь, чтоб ты не волновалась,
Но только всё увидишь ты.
Не скроют многое и малость
Лица правдивые черты.

За чаем с мятой осторожно
Слетают с губ твоих слова —
Смеяться просто, плакать сложно,
Учись, пока ещё жива.

И, помня сказанное дочке
На счастье или на беду...
Зубная боль — ладонь на щечке —
Реву у мамы на виду.

ЧУТЬ КРИВО ПЕТЛЯЕТ ТРОПКА

Чуть криво петляет тропка.
От лета к осеннему спасу.
Стихи на закат — как в топку,
И не пожалеть ни разу...

В ладонь лепестки герани
Собрать, как ушедшее время.
Отдельно готовить сани
И в осень въезжать со всеми.

В кафтан из дождей и песен
Рядить оголённое слово.

И в струнах всё меньше спеси,
И много в своём — чужого...

И не устрашайте, грозы.
Ваш крик — не плохая примета.
Мне проще об этом в прозе
Сказать... И поверить в это.

НЕ ПРИНЦЕССА

Горячий чай, холодный душ
Из слов осеннего разлива.
Смотреться в амальгаму луж
И представлять себя счастливой.
А свет мой зеркальце лишь в сказке
Ответит, кто кого милей.
В моих карманах жизнь-запаска,
Ключей и оправданий связка,
Шута непонятая маска
И сто потрепанных рублей.

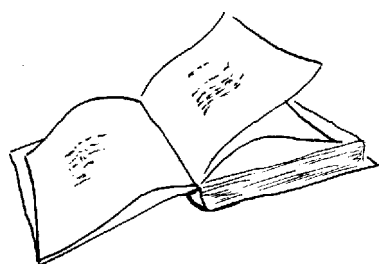
Рабочий день, бездомный кот
Расскажут мне про лукоморье.
Иду направо — дождь снуёт,
Налево — песня, как подспорье.
Пешком шурую — не принцесса.
Надежды нет на добрых фей.
Ночую на перинах леса,
Любуюсь месяцем-повесой,
Не проявляю интереса
К чинам и рангам всех мастей.

КНИГА СКАЗОК

На манжеты хрустящих страниц
Льётся тонкое кружево слов:
Там с пастушкой знакомится принц,
А старик ожидает улов.
Рыцарь бьётся за дамскую честь.
Царь зовёт всех соседей на пир.
А ворона услышала лесть —
И упал богом посланный сыр.
Там тропинки ведут в... никуда.
Репку тянет большая семья.
И поможет живая вода,
И в беде не оставят друзья.
Там базаром чарует Восток,
Ищет счастье своё Аладдин.
И бегут паровозики строк
По сюжетам старинных былин.
Пусть пройдёт ещё тысяча лет —
Волшебству не наступит конец.
Сто вопросов — но важен ответ.
Книга сказок — великий мудрец!

ЮРИЙ СОПОВ

1897 — 1919

Имя поэта Юрия Сопова вернулось из небытия совсем недавно, когда омский исследователь доктор исторических наук Анатолий Штырбул опубликовал книгу «Дожить до сентября. Судь-

ба поэта Юрия Сопова», которая увидела свет в 2015 году, в неё вошли все его сохранившиеся произведения — около 60 стихотворений и несколько поэм. А. Штырбул пишет в предисловии: «Я наткнулся на его стихи студентом, в конце 1970-х годов, когда штудировал для диплома газеты революционного периода, и был просто поражён. 1917 год. Тревожные сводки с фронта. Стачки, политическая неразбериха, тиф, голод. И вдруг посреди всего этого — солнечное лето, красота, любовь».

Поэт родился в 1897 году в Омске. Его отец происходил из казаков Сибирского казачьего войска, мать, по семейным преданиям, — из рода дворян Бестужевых-Рюминых. Глава семьи служил телеграфистом при музыкальной команде Сибирского казачьего войска, был человеком образованным, увлекался музыкой. Мать заботилась о детях, их в семье было четверо. Уже в пять лет мальчик хорошо читал и даже рифмовал свои детские впечатления. Вообще, по воспоминаниям брата, Пётр был способен экспромтом сложить небольшое стихотворение и, вызывая противоречивые чувства у знакомых барышень, записывал колкие эпиграммы в их девичьи альбомы. Он рано осознал себя поэтом и, думая о будущем поприще литератора, подбирал себе псевдонимы. Прежде всего хотел изменить имя: библейское «Пётр» заменить на историческое и более поэтичное «Юрий».

Ребёнком родители увезли его на Китайско-Восточную железную дорогу, где отец получил работу. В Омск он вернулся в 14 лет — к бабушке, чтобы окончить гимназию и учиться дальше. К родителям на КВЖД вместе с братом Георгием ездил на каникулы. Это были путешествия на поездах через Сибирь, Забайкалье, Маньчжурию, и впе-

чатления от картин величавой природы воплощались в стихотворные строки.

Пётр поступил в Омское землемерное училище. Профессия землемера считалась престижной и чрезвычайно востребованной в разгар переселенческого движения из Центральной России в Сибирь. Но Пётр Сопов больше увлекался не своей будущей практичной профессией, а поэзией. Он был влюблён в образ и стихи Артюра Рембо и посвятил любимому поэту поэму.

Поэту не повезло со временем. Его юность — это война, две революции, смена общественного устройства, неразбериха в мыслях. Умонастроение поэта отражается в его стихах. В поэтических строчках Сопова трудно найти приверженность какой-то политической идее, тем более партии. Мечтателем и почитателем «чистого искусства» он оставался до конца своей жизни. Был лириком с прекрасным чувством слова, фантазийными образами, проникновенной интонацией. На политические темы почти не писал. Только резко отозвался на разгон Учредительного собрания: «Всё святое забыто. Стала мифом свобода...». Потом поучаствовал в создании при Колчаке своего варианта «Сибирского гимна», который не был принят, и весной 1919 года написал стихотворение «Призыв», зовущее в крестовый поход против большевизма. Но при этом в 1918 году Юрий Сопов постоянно публиковался в газете Советов «Известия», закрытой, когда Омск стал белой столицей. Привела ли его в редакцию эйфория, охватившая демократическую интеллигенцию Омска в 1917 году? Или только желание писать и печататься? Ведь поэт сотрудничал с газетами разных, даже противоположных направлений. Юрий Сопов, несомненно, был романтиком: «Я — золотис-

тый рыцарь, жизнь посвятивший мечте... «Светлый луч во мраке — девиз на моём щите» — его программное стихотворение.

Начинающему поэту нужны среда, сообщество единомышленников. Сопов нашёл это в литературном кружке Антона Сорокина, который посещали как маститые авторы, так и молодые литераторы. Всеволод Иванов, вспоминая об этом кружке, о Юрии Сопове написал: «...суровый, саркастический». Нежнейший поэт-символист производил и такое впечатление. Юрию Сопову симпатизировали поэты Георгий Маслов, Сергей Ауслендер, руководивший в Омске другим творческим кружком «Единая Россия», который тоже посещал Юрий Сопов.

Молодой поэт часто печатался в первых советских газетах Омска. В марте-мае 1918 года в «Известиях» было опубликовано семь его лирических стихотворений. А кроме того — около двадцати материалов на темы искусства, рецензий на спектакли городского театра. С юношеским максимализмом он защищал театр от кинематографа, который виделся автору «средством развращения народа».

С мая 1918 по февраль 1919 года Юрий Сопов работал в библиотеке имени Пушкина и остался в истории главной библиотеки области как активист профсоюза и «один из пионеров по объединению библиотечных работников в Сибири». Диплом землемера ему не пригодился.

7 июня 1918 года в Омске свергнута советская власть. 4 июля принята Декларация о государственной независимости Сибири. А осенью в Омск прибывает Александр Колчак, который скоро будет провозглашён Верховным правителем России. В феврале 1919 года Сопов был мобилизован и после окончания ускоренных курсов шко-

лы прапорщиков попал к Колчаку в личный конвой. Омский литератор Кондратий Урманов в своих воспоминаниях писал: «Приходил к Сорокину молодой солдат Юрий Сопов. Его стихи печатались во многих газетах... Одет он был по-солдатски: френч защитного цвета, на ногах башмаки с обмотками — подарок английского правительства солдатам Колчака. Голос у него был тихий и мягкий. Юра служил в команде, охранявшей дом Колчака. Эта служба избавляла его от фронта». Все считали, что ему крупно повезло — служба в личном конвое Колчака казалась намного безопаснее фронта. Он и сам, похоже, думал так же.

За полгода до этого Юрий Сопов женится на Пелагее Соломиновой. Он влюблён, счастлив и торопится жить.

В комнатке заброшенной забелелись сумерки;
Смутная надежда выросла в груди:
Может быть, за далями сны ещё не умерли,
Может быть, и вспыхнет солнце впереди.

25 августа 1919 года в резиденции Верховного правителя России прогремел взрыв. По официальной версии, взорвались боеприпасы рядом с печкой. Колчака в резиденции не было. По слухам же, взрывчатку заложили внутри печи в ожидании, когда её затопят. Если это происшествие было не случайностью, а попыткой теракта, то кто за ним стоял? Взрыв в резиденции Колчака до сих пор остаётся неразгаданной загадкой. В результате взрыва в резиденции Колчака погибли шесть человек, ещё 14 были ранены. Одним из погибших был Юрий Сопов...

Его путь оказался чрезвычайно кратким и оборвался в самом начале, на полуслове, как недописанное сти-

хотворение. Многие стихи Сопова тоже остались недописанными. А ненаписанных — ещё больше... В некрологе Георгия Маслова на смерть Юрия Сопова есть проникновенные и пророческие слова: «Да, поэты бессмертны, и для нас тихие речные излучины, поросшие камышом и лилиями, лёгкая лодка, удочка и карабин навсегда сплелись со стихами Юрия Сопова. Мы будем его слушать».

А сам Юрий Сопов в поэме «Артюр Рембо» написал, как будто предугадывая свою судьбу, забвение и возвращение имени и стихов:

Негры сказали: «Рембо умер».
Но это неправда: поэты бессмертны.

* * *

Сломаны крылья орлиные
В яростно-диком бою...
Грудь прокололи мою...
Песню мою лебединую
Я, умирая, пою...
Светлой тоской о несбывшемся,
Жаждой смертельного сна
Пусть заражает она,
Чтобы на смену разбившимся
Новая встала стена.
Чтобы борцы оробелые
Злой не боялися мглы,
Были горды и смелы;
Чтобы все лебеди белые
Гибли в бою, как орлы...

* * *

С мерным стуком
Мчатся вагоны,
Меня уносят куда-то вдаль.
С визгливым звуком,
Почти со стоном
Трётся железо рельса о сталь...

Я на площадке
Стою безмолвно.
И вьются кольца тоски немой;
Живой загадкой,
Значенья полной,
Встаёт твой образ передо мной...

Как на икону
Готов молиться, —
Я зачарован, недвижно-тих...
И мчатся вагоны...
И дым клубится...
И губы шепчут беззвучный стих...

ПРИЗЫВ

Время гнева исполнилось
В девятьсот девятнадцатый год.
Вижу на небе молнии,
Зову в Крестовый поход.

Придите, рыцари нежности,
Противники злобы слепой,
Божьим мечом на мятежников,
Божьим бичом над толпой.

Топчут светлые конники
Поволжских равнин траву.
Вас, в бессмертье влюблённые,
Зову в золотую Москву.

Время гнева исполнилось
В девятьсот девятнадцатый год.
Вижу на небе молнии,
Зову в Крестовый поход.

ШАХМАТЫ

Гамбит коня и застенчивости;
Шахматы, любовь и тоска;
У маленькой, белокурой женщины
Пушистые волосы на висках.

Муза игры изменчива:
Волнуется мир фигур;
Хмурится белокурая женщина:
Брови как тёмный шнур.

Счастье в любви переменчиво:
Сердце не верит словам;
«Маленькая, белокурая женщина,
Мат королю и вам».

* * *

Предчувствие скорбью непонятной
Сковало наши вечера;
Рыбачья песня, блеск закатный
Полупотухшего костра.

Удары вёсел, странно чётки,
Дрожат в тени прибрежных глыб.
Мы огибаем в белой лодке
Песчаной отмели изгиб.

Вечерний блеск глухих заливов,
Прозрачно-бледная заря
И мой печально-молчаливый,
Бессменный спутник у руля...

И скорбь, глухая скорбь повсюду:
В глуби его блестящих глаз;
В зелёной заросли запруды;
В безмолвии, сковавшем нас;

В немой дали речных излучин;
В игре крылатых облаков;
В печальной жалобе уключин;
В шуршащей чаще тростников...

* * *

Я люблю этот блёклый сентябрь,
Эти дымно-лиловые дали;
На заливах вечернюю рябь,
На опушке дыханье печали.
Этих веток надломленный хруст,
Этих жёлтых оврагов пологость
Затаили пугливую грусть
И какую-то жуткую строгость...
А тоска улетающих птиц
Так наивно-проста и певуча,

Что невольно роняют с ресниц
Тусклый жемчуг бессильные тучи.

* * *

Кремнистые, серые склоны
К воде опустились покато...
Река утомлённая стонет
В оранжевых красках заката...
Тоскливые, скорбные стоны
Звенят за горою горбатой...
На западе путь похоронный
Свершает сумрак косматый!..
Глаза голубого дракона
Выколол месяц рогатый,
И тёмная даль небосклона
В гигантских лапах зажата.

* * *

Смотрит в далёкий простор
Девичьих дум теремок;
Прочен дубовый запор,
Крепок старинный замок.

Окон узорных резьба;
Грусть затуманенных глаз;
Дальняя зелень пруда;
Тёплого вечера час.

Пламень меж облачных стен;
Жёлтые выступы круч;
Горек безжалостный плен;
Девичий голос певуч...

Бродит под окнами сон;
Чуть волокнится дымок.
Вздых... обессиленный стон...
Ржавый, старинный замок...

* * *

Какому Богу молиться?
По какому пути идти?..
То, что в России творится,
Где ещё можно найти?
Факел знания потушен.
Храм свободы разрушен.
Распята правда снова.
Всё святое забыто.
Стала мифом свобода.
Топчут в пыли копыта
Волю всего народа.
Ужаса чёрная птица
В жилах кровь леденит...
Какому Богу молиться,
По какому пути идти?

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Елена Ярышевская

ИСТОРИЯ ПРО САПОЖНИКА

Однажды Сапожник в июле, в субботу
Решил побыстрее закончить работу.

В такую погоду приятно в теньке
С журналом в руках подремать в гамаке.

Сложил инструменты, прибрался немножко,
Но тут заглянула к нему Многоножка:

«Хочу заказать двести пар босоножек
Для маленьких деток моих, Многоножек!»

Сапожник вздохнул: «Обещать не могу,
Но, думаю, обувь сошью к четвергу!».

Он гостью пошёл проводить до порога,
А там дожидаются два Осьминога:

«Послушайте, мастер, мы с этого лета
Зачислены в школу морского балета!

И мы умоляем, любезнейший, вас:
Скорей на пуанты примите заказ!»

Ещё не успели уйти Осьминоги,
А в двери стучится Паук мохноногий:

«Жена заявила мне голосом строгим,
Что больше не ходит никто босоногим.

Я модные туфли прошу побыстрее
Пошить для жены и для трёх дочерей!»

Ворча и вздыхая, уполз Мохноног.
Печальный Сапожник шагнул за порог

И к двери записку прибил молотком:
«ЛЕТОМ ПОЛЕЗНО ХОДИТЬ БОСИКОМ!»

ШЁЛ ПО УЛИЦЕ ПИДЖАК...

Значит, дело было так:
Шёл по улице Пиджак,
Серый, в тонкую полоску.
Он направился к киоску
И купил за горсть монет
Пачку утренних газет.

Вот Пиджак в метро спустился,
На сиденье разместился.
Только тронулся вагон –
Углубился в прессу он.
Пока читал про Францию,
Чуть не проехал станцию.

Еле выскочить успел,
От волнения вспотел.

Отряхнулся, отдышался,
Вверх по лестнице поднялся.
А потом, зевая,
Долго ждал трамвая.

Слез на третьей остановке,
Взял ватрушку у торговки.
На часы взглянул Пиджак,
И решил ускорить шаг.

Торопился на работу.
Но без папы. И в субботу.

Екатерина Рогачёва

КАРАНДМЫШИ

ПОХОД

— Потеряла. Опять потеряла! — бормотала себе под нос Виктория, ожесточённо роясь в ящике комода. — Где же он может быть?

Из-под её лап в разные стороны разлетались какие-то бумажки, крошки, винтики, игрушки и прочая, крайне необходимая всем карандамышам мелочь.

— Так, здесь нет, — она с грохотом задвинула исследованный нижний ящик и попыталась открыть верхний. Тот не поддавался. Тогда она упёрлась задними лапами в край нижнего ящика и потянула на себя изо всех сил верхний. Ящик сдался и рухнул на Викторию.

— Мамочки, — пискнула придавленная им карандмышь. Морща синий нос-карандаш, она попыталась вылезти. Ей это даже удалось.

Над краем компьютерного стола, в ящиках которого располагались комнаты карандмышей, показалась мордочка. На этот раз с красным носом-карандашом и весёлыми глазками-бусинками. Флопс.

— Что ищешь?

— Представляешь, я его опять потеряла, — с отчаянием сказала Виктория, — пароль от Великого Компьютера. А мне очень надо было с ним поговорить.

Она присела на столе, но тут же подпрыгнула, взвизгнула, выдернула из-под себя щётку для шерсти, вылетевшую из комода во время ревизии, и раздражённо отбросила в сторону. Снова села.

Флопс наконец-то забрался на стол, выдернул какую-то бумажку из-под лап Виктории и поинтересовался:

— А это не он?

Виктория схватила листок и помчалась к гигантскому дисплею. Флопс последовал за ней. Компьютер, как обычно, включался неторопливо, с тихим шуршанием. Он был самым главным советчиком семьи карандмышей, другом и непререкаемым авторитетом после загадочного отъезда в неизвестном направлении бабушки Рудольфы, белой карандмышы, заботившейся о малышах. С тех пор прошло много времени, разноцветные карандмышы выросли, но мудрый совет им иногда всё же требовался.

Как-то само собой получилось, что больше всех общалась с Великим Компьютером Виктория. Она заботилась о нём, хранила все пароли, протирала пыль, иногда исправляла мелкие неполадки.

Экран наконец загорелся мягким синеватым светом, проявилась надпись: «Привет, Виктория! Привет, Флопс! Как ваши дела?»

Виктория пододвинула к себе небольшую клавиатуру и набрала ответ: «Привет. Дела не очень хорошие. У нас к тебе вопрос. Меня очень беспокоит то, что мы, карандмышы, стали мало времени проводить друг с другом, каждый занят своими делами и почти не интересуется другими. Так мы совсем перестанем общаться, что делать?»

Компьютер молчал и, казалось, думал. Затем выдал: «А что вы вообще любите делать все вместе?»

«Да, в общем, всё равно, лишь бы было весело», — немного подумав, набрала Виктория.

Компьютер тут же отозвался: «Тогда небольшое приключение наверняка вас и развеселит, и объединит одновременно».

— Приключение? — заинтересовался Флопс, что-что, а приключения он любил, иногда даже слишком.

«Какое?» — спросила Виктория.

«Например, поход. Нарисуйте себе лес или озеро. Или ещё что-нибудь. И отправляйтесь туда. Уверен, у вас всё получится, ведь всё, что вы рисуете, всегда становится настоящим. Удачи».

Экран мигнул и медленно погас. Флопс и Виктория переглянулись и задумались.

— А что, может и правда? — нерешительно предположил красный карандмыш. — Мне нравится. Давай расскажем остальным.

— Ну давай, — тоже не очень уверенно согласилась его сестра.

— А что вы тут делаете? — над краем стола появилась любопытная мордочка с цветным носом, на этот раз голубым, — младший из мышей, Рони-Ру.

— Ну вот, — огорчился он, — опять разговаривали с Великим Компьютером и опять без меня.

— Не переживай, — успокоила его Виктория, — сейчас всё расскажем. Зови остальных.

Вскоре все семь карандашей были в сборе. Чем-чем, а отсутствием любопытства никто из них не страдал.

— Рони-Ру сказал, что будет что-то интересное, — заявил оранжевый карандаш Марсик, большой любитель поесть и оттого самый круглый.

Виктория с Флопсом переглянулись. Синяя карандаш сделала шаг вперёд и откашлялась.

— Братья и сёстры! — торжественно начала она. — Сегодня я разговаривала с Великим Компьютером, пожаловалась ему на то, что в последнее время мы редко вместе собираемся, общаемся, играем. А ведь бабушка Рудольфа говорила нам, что мы должны держаться вместе, всегда-всегда, потому что в дружбе — сила. — На последних словах воздух у Виктории закончился, она перевела дух и уже буднично добавила. — Короче, айда в поход.

— Куда? — переспросила жёлтая карандаш Кармель, очень серьёзная и хозяйственная. Её пирожки были даже вкуснее, чем у бабушки Рудольфы.

— В поход, — повторила Виктория.

— А что это такое, поход? — спросил Рони-Ру.

— Это когда надо куда-то идти всем вместе. Это весело, можно во что-нибудь поиграть, найти много интересных вещей. Здорово! — подпрыгнула зелёная карандаш Виола, самая неунывающая из всех.

— И куда мы пойдём? — скептически спросил фиолетовый Герасимо, самый умный и оттого недоверчивый, и к тому же поэт.

Виктория хитро прищурилась:

— Мы же карандашмыши. С волшебными носами-карандашами. Мы можем нарисовать всё что угодно, каждый что-то своего цвета. Картинки, которые мы рисуем, всегда оживают, так что мы можем создать любое место и отправиться туда. Предлагаю лес. Как вам идея?

— Ура! — завопили карандашмыши и помчались за листами бумаги.

Флопс и Марсик вдвоём притащили целую кипу бумаги и разложили её по столу. Виктория потёрла лапы и предложила:

— Ну что, давайте рисовать. Места много и рисовать тоже много чего надо. Нужны деревья, трава, солнце и ... Чего там ещё бывает в лесу?

— А озеро, озеро можно? — запрыгал Рони-Ру.

— Да можно, конечно, — махнула лапой Карамель.

— И камыш?

— И камыш. Только, — она почесала нос лапой, — камыш вряд ли бывает голубым. Ну ладно, что-нибудь придумаем.

Как обычно, дольше всех сомневающийся Герасимо понял, что места возле листа бумаги ему уже не достанется. Остальные карандашмыши шумно толкались, хихикали и что-то активно обсуждали, сгрудившись вокруг появляющегося изображения леса. Под их носами вырастали деревья, начинала зеленеть трава. Лес оживал.

— А пикник? — раздался голос Марсика. — Давайте устроим там пикник! Для него нужна еда. Надо её срочно нарисовать!

— Лучше взять с собой что-нибудь нужное, — пробурчал себе под нос Герасимо, но его никто не слышал. — Мало ли что случится, это всё-таки лес. Вдруг кто-то поцарапает лапу или хвост? Споткнётся и упадёт? Нужен бинт, — он задумался. — Нет, бинтовать никто не умеет, нужно что-то другое, не менее нужное. Ура! Придумал!

Герасимо нашёл чистый лист и принялся старательно рисовать стеклянный пузырёк, что-то невнятно бормоча себе под нос. Наконец пузырёк был готов.

— Зелёнка! — гордо сказал Герасимо. — На все случаи жизни. — Потом задумался, почесал ухо, обошёл своё произведение кругом и поморщился: — Интересно, а она точно должна быть фиолетовой?

В нескольких шагах от него Марсик авторитетно доказывал остальным карандамышам, что никто не нарисует еду для пикника лучше, чем он, и требовал ещё бумаги.

— Я сейчас принесу, — крикнула Виола и помчалась за чистой бумагой. Вихрем пронеслась мимо Герасимо, но практически тут же затормозила и повернула обратно. — Ух ты, а это что? — спросила она, указывая на пузырёк.

— Ну, это, я думал... — Герасимо замялся. — На всякий случай... Короче, это зелёнка!

— Зелёнка?! А почему она фиолетовая?

— Ну, я же фиолетовая карандамышь. Какую ещё я должен нарисовать?

— Н-да... А меня ты попросить не мог? Наверное, зелёнка должна получиться лучше всё-таки у зелёной карандамышки. Ладно, погоди, сейчас поправим.

Она активно черкала носом по пузырьку. Но зелёнка зелёной не становилась. Дело явно не клеилось. Виола оглядела получившееся и тоже поморщилась:

— Что-то не так. Может, сначала надо было стереть то, что ты нарисовал?

— Я тебе дам — стереть! — возмутился Герасимо. — Я тут рисовал-рисовал, старался, не для себя, между прочим, а для всех, а ты — стереть?

— Знаешь, — задумчиво сказала Виола, глядя на пузырёк с жидкостью странного цвета. — А давай её брать вообще не будем? Будем надеяться, что зелёнка нам не потребуется.

Герасимо ещё раз взглянул на пузырёк, подумал и согласился:

— Да, ты права, давай лучше без неё.

— Пойдём, поможешь принести мне ещё бумаги, — потянула Герасимо за лапу Виола.

Они убежали, а пузырёк со странной жидкостью так и остался стоять на столе. Без присмотра. Прошло несколько минут, жидкость в пузырьке заплескалась, словно поёжилась от ветра. Пузырёк качнулся раз, другой и упал набок. И на самом краю рисунка с лесом появилось пятно, как будто кто-то поставил огромную чернильную кляксу. Она растеклась по рисунку и тут же тихонько зашевелила ножками-щупальцами. Никто из карандмышей этого не заметил. Их шедевр был практически закончен, и всем уже не терпелось начать путешествие.

— Ну, и чего стоим? — поинтересовалась Виола. Она присела перед рисунком, наклонилась, потрогала нарисованную дорожку лапой и стряхнула с неё песок. — Ух ты, совсем настоящий получился! Пошли, все за мной!

Виола прыгнула вперёд и сразу исчезла за первым же нарисованным деревом. Оттуда она кричала карандмышам:

— Смотрите! Птичка! Или бабочка... В общем, Флопс, я не знаю, что ты тут рисовал, но оно летает!

— Где летает? — потянулся за ней следом Флопс.

— Покажите, я тоже хочу посмотреть! — пропищал Рони-Ру, цепляясь за хвост брата.

Ещё немножко, и все карандашмыши уже бродили по дорожкам нарисованного леса, весело переговариваясь, рассматривали деревья, нюхали нарисованные цветы. Виола и Рони-Ру пытались приманить симпатичную птичкобабочку, так старательно нарисованную Флопсом.

— Как здесь здо-о-о-рово, — мечтательно протянула Виктория, — прямо настоящее чу...— и осеклась на полуслове.

Как по команде, повернувшись в её сторону, все остальные карандашмыши тоже застыли как вкопанные. На дороге стояло пятно. Клякса. Непонятного цвета. Просто стояло и не двигалось.

— Что это? — спросила Карамель шёпотом, — Фло-опс!

— Я только птичкобабочек рисовал, — замотал тот головой.

Карандашмыши стали осторожно подтягиваться к Виктории.

— Рони-Ру? — вопросительно произнесла та.

— Я это не рисовал! — возмутился маленький карандашмышонок, — разве не видно? Оно же не голубого цвета.

— Ну, мы точно это не рисовали, — сказала Карамель, — откуда это здесь? И вообще, что это?

— Кажется, я знаю, — пискнула Виола после небольшой паузы, — но мы нечаянно, честное слово, мы не хотели. Просто получилось не совсем то, что мы рисовали. В общем, это Герасимо виноват. Он хотел зелёнку, чтобы царапины мазать, если что.

— Я думал, на всякий случай, — проворчал Герасимо, — лапу или хвост смазать, если что.

— Ты хотел нарисовать зелёную зелёнку? — фыркнула Виктория.

— Ну да, она вышла слегка фиолетовая, — вступилась за брата Виола, — я хотела помочь, добавить зелёного. И вот... Вот такого цвета она и получилась.

— А сюда она как попала? Зачем вы её выпустили? — строго спросила Карамель.

— Мы не выпускали, — грустно сказал Герасимо, — она сама, наверное... Когда мы уходили, она стояла в пузырьке возле рисунка.

— Странно, — хмыкнул Флопс. И что нам теперь делать?

Клякса, стоящая перед ними, издала нечто похожее на «Бгм-брум-бггм» и зашевелилась.

— Упс! — хором сказали карандамыши и сбились в кучку поплотнее.

— Может, развернёмся и быстро-быстро побежим домой? — предложил Герасимо, — Мы ещё недалеко ушли.

— А вдруг она умеет бегать быстрее нас? — предположила Виола. — Вот догонит, и что тогда?

— Съест, — мрачно заключил Марсик.

— Похоже, что пока она никуда бежать не собирается, — сказала Виктория. — Может, она тоже боится? Тихо, смотрите, зашевелилась!

Карандамыши замолчали. Клякса переползла дорожку, наткнулась на дерево, снова невнятно пробормотала что-то вроде: «Бгм-брум-бггм» и устроилась на траве, подтянув под себя выступающие ножки-щупальца. Притихла. Карандамыши продолжали наблюдать за ней.

— Мне кажется, или она правда ничего не видит? — шёпотом спросил Рони-Ру, выглядывая из-за спины Карамели.

— Конечно, не видит, — фыркнул Флопс, — У неё же глаз нет.

— А у неё совсем ничего, кроме ножек, нет? — Рони-Ру подался вперёд и с интересом разглядывал кляксу. — А это она или он? Или оно?

— Откуда же мы знаем? — вздохнула Карамель, аккуратно задвигая лапой Рони-Ру обратно себе за спину. Так, на всякий случай. — Жалко её. Бедняжка.

— Значит, она нас не видит, надо уходить. Обойдём её по дорожке, она и не заметит, — предложил осторожный Герасимо.

Виктория сделала шаг вперёд и опять в нерешительности замерла. Клякса под деревом зашевелилась и издала какой-то звук. Карамель вздохнула и шагнула вслед за Викторией.

— Вот мы сейчас уйдём, — покачала она головой, — а она останется здесь совсем одна, ничего не видя и не слыша. Нельзя её так бросать. Жалко. Надо что-то придумать.

Все молчали. В нарисованном лесу вообще стояла тишина. Только где-то вдалеке в той стороне, откуда начался их поход, в кроне дерева тихонько пела нарисованная птичка, да где-то впереди плескалось нарисованное озеро и шумело нарисованным камышом.

— А что тут ещё можно придумать, — сказала вдруг Виктория. — Надо рисовать ей глаза.

— Зачем? — удивился Герасимо. — Вот ты нарисуешь, она увидит нас и съест.

— А у неё всё-таки есть рот? — снова вылез вперёд Рони-Ру. — А где он? А она и вправду нас съест, когда увидит? А что она вообще ест?

Виктория закатила глаза к небу, шумно вздохнула и опять затолкала Рони-Ру за спины остальных карандашных мышей.

— Никто никого есть не будет, — чётко и раздельно произнесла она. — Я не знаю, чем она питается, но вряд ли карандашными. И рот рисовать я ей не буду.

Снова повисла тишина. Явно нужно было что-то делать. Кляксы уже никто не боялся.

— Вот представляете, ничего не видя, она бродит по лесу, споткнётся обо что-нибудь, застрянет где-нибудь, упадёт, поцарапается, на что-нибудь налетит, — задумчиво сказала Карамель. — Бедняжка. А всё мы виноваты. Помните, бабушка Рудольфа нас учила, что нужно помогать всем, кто нуждается в помощи.

Клякса ждала или, может быть, просто отдыхала в тенёчке.

— Ладно, давайте попробуем, — пробормотала Виктория и решительно двинулась к кляксе. Остальные карандашные мыши потянулись за ней.

Она присела прямо перед кляксой на задние лапки, откашлялась и слегка дрожащим голосом сказала:

— Не уверена, слышишь ты меня или нет, но давай попробуем с тобой договориться. Я нарисую тебе глазки, обещаю, будет красиво. Я очень постараюсь. А ты посидишь спокойно и не будешь на меня кидаться.

Клякса молчала.

— Наверное, услышала, — пробормотал Флопс. — Только умоляю, Рони-Ру, не спрашивай, чем. Я не знаю, есть ли у неё уши, и где они расположены.

— Давай рисуй скорей, — подтолкнула Викторию в спину Карамель.

— Бгм-брум-бггм, — раздалось вдруг бормотание кляксы.

— А как она разговаривает, если у неё нет рта? — опасливо поинтересовался Герасимо. Но, похоже, этот вопрос уже мало кого интересовал. Все загорелись идеей нарисовать глаза.

Виктория сняла с шеи медальон-ластик и начала осторожно стирать краску в том месте, где должны были быть глаза. Остальные карандашмыши, стараясь не дышать, сгрудились у неё за спиной.

— Может быть, левее? Или повыше? — раздался у неё прямо над ухом шёпот Флопса.

Виктория от неожиданности пискнула и подпрыгнула. Лапа с ластиком дёрнулась и неловким движением стёрла кляксе кусок ножки-щупальца.

— Упс! — пискнула синяя карандашмышь. — И что теперь делать?

— Постой-постой, — вмешалась Виола, азартно сопя зелёным носом. — Я сейчас всё поправлю, а ты не отвлекайся, рисуй.

Она отодвинула стоящего перед ней Флопса, присела на задние лапы и решительно потянула к себе ножку кляксы.

— Не бойся, пятнышко, — прощепетала она. — Сейчас всё поправим. Будешь самой красивой в этом лесу.

— Если будет только зелёный — будет скучно, — вмешался Марсик. — Надо обязательно добавить оранжевого. — Он подлез под лапу Виолы и принялся что-то пририсовывать к её художествам.

— А можно мне, можно, можно? — не сумев пролезть между Марсиком и Виолой, Ронни-Ру дёргал их за хвосты.

— Здесь, по-моему, не хватает пары жёлтых пятен, — повела носом Карамель.

— Нет-нет! — запротестовал Флопс. — Здесь обязательно нужен красный. Иначе не смотрится. Герасимо, что ты стоишь в сторонке, иди помоги. Ты разрисовывай вон там, а я здесь.

И уже все карандашмыши были увлечены процессом раскрашивания кляксы, суетились, толкались и хихикали. Клякса терпела. Не известно, что она при этом думала, да и думала ли вообще.

— Да не мешайте же, — возмутилась Виктория. — Я, вообще-то, тут самое важное рисую. Потерпи, маленькая, — она снова перевела взгляд на кляксу. — Я почти дорисовала.

Ещё пара штрихов и она удовлетворённо вздохнула, повесила ластик на шею и наклонила голову, любуясь своей работой.

— По-моему, неплохо, — пробурчала она себе под нос и повысила голос: — Эй, народ, отвлекитесь-ка на секунду, посмотрите, что получилось.

— Сейчас-сейчас, осталось совсем немножко, — раздались голоса карандашмышей.

Закончив рисовать, карандашмыши повесили ластики на шею и встали рядом с Викторией, чтобы получше рассмотреть кляксу. Она сидела на прежнем месте и задумчиво моргала синими-синими глазами. Привыкала к тому, что теперь всё видит, её ножки-щупальца тихонько шевелились. Она обвела взглядом лес вокруг, поизучала карандашмой и перевела взгляд на себя. И замерла... Нарисованные глаза заметно расширились.

— Смотри, как отлично получилось, — выдохнула Виктория с явным удовольствием наблюдая за кляксой. — Такие красивые глазки я ещё никому не рисовала.

— А мне кажется, всё получилось очень красиво, — хихикнула Карамель.

— А я знаю, чего ей не хватает! — пританцовывая на месте, подёргал за лапу Викторию Рони-Ру. — Можно я нарисую? Можно?

— Что?

— Хвост! — с гордостью заявил он.

Наверное, слышать клякса всё-таки могла, потому что тут же резко выпрямила разрисованные ножки-щупальца, хлопнула глазами и попыталась скрыться за деревом.

— Нет, малыш, — покачала головой Карамель. — Думаю, ей не очень понравилась эта идея. Ладно, хвост-то ей зачем... Она и без него теперь симпатичная.

Ещё немного побродив по лесу, карандамыши наконец вышли к нарисованному озеру.

— Какая красота, — зачарованно сказала Виктория. — Такая голубая чистая вода. Рони-Ру, ты молодец, очень красиво получилось.

— А давайте устроим здесь пикник, все уже проголодались, — предложил Марсик.

— Давайте, — хором согласились остальные. — Трава такая зелёная, пушистая.

— Кстати, а кто у нас ответственный за еду? — поинтересовалась Виктория.

— Ну я, — ответил Марсик.

— Понятно, — фыркнул Флопс. — Значит, сегодня едим апельсины и морковь.

— Ну почему сразу только апельсины и морковку? — насупился Марсик. — Ну да, апельсины. А ещё тыкву с мёдом и морковный сок. Кто-то против?

— Нет! — хором ответили остальные. И добавили: — Ура!

Перекусив, все улеглись на траву, подставляя тёплому солнышку бока, хвосты и лапы.

— Как хорошо! — вздохнул Марсик. — Какое чудесное солнце получилось у Карамели. А ведь мы хоть каждый день можем сюда приходить. И здесь ведь всегда будет хорошая погода, правда?

— Это точно, — сказала Виола. — И трава мягкая, я старалась.

— Знаете, — заявил Рони-Ру, — в моём озере чего-то не хватает. Вот смотрите, в лесу летают птички и бабочки, которые нарисовал Флопс, по тропинкам бегают клякса, а здесь никто не живёт.

— А кто здесь, по-твоему, должен жить? — удивилась Карамель.

— Рыба, например, — проворчал Герасимо. — Кто же ещё может жить в озере?

— Точно! — подпрыгнул Рони-Ру. — Рыба! Давайте нарисуем рыбку! Ну, пожалуйста, ну хоть одну.

— Ну возьми и нарисуй, — сказал Герасимо.

— Как же я её нарисую? Она же будет одного цвета с водой и потеряется.

— Ладно, — вздохнула Карамель, ей как обычно хотелось помочь всем, — сейчас что-нибудь придумаем.

— Давайте устроим конкурс на лучшую рыбу, — предложил Герасимо. — А Рони-Ру будет судьёй. Он ведь не сможет рисовать.

Идея понравилась всем. Уже через минуту карандашмыши старательно выводили носами самых разнообразных рыбок.

— Слушайте, — вдруг сказала Виола, — а помогать друг другу правила конкурса позволяют? А то моей рыбке очень нужны красный хвост и две жёлтые полосы.

— Можно, — махнул лапой Рони-Ру, — так будет даже веселее.

Ему впервые довелось быть судьёй, поэтому он с важным видом ходил между рисующими карандашмышами и поглядывал на их рыбок.

Первая рыбка была готова у Марсика. Он торжественно преподнёс её судьё.

— Ух ты, какая яркая! — восхитился тот.

— Марсик у нас самый весёлый, поэтому и все рисунки у него самые яркие, — хмыкнула Виола, дорисовывая своей рыбе зелёный глаз. Не удержалась и пририсовала реснички. Непонятно, зачем они рыбе, но с ними она выглядела явно симпатичнее.

Рони-Ру осторожно выпустил рыбку в воду. Она вильнула хвостом и ушла на глубину. Потом всплыла. Ей явно нравилось её новое место обитания. Вскоре к ней присоединилась ещё одна, потом ещё и ещё.

— Кто не дорисовал?

— Я, — отозвалась Виктория, — мне немножко осталось. Сейчас ещё кое-что поправлю и... Мамочки!!!

От её вопля не только подпрыгнули карандашмыши, но и поспешили попрятаться на дне озера только что выпущенные туда рыбки.

— Что случилось? — хором спросили карандашмыши.

— Мамочки! — повторила Виктория, ощупывая шею. — Не может быть! Кажется, я медальон потеряла... — добавила она дрожащим голосом.

— Так, стоп! Без паники, — нахмурилась Виола. — Где ты могла его потерять? Здесь?

— Не знаю, — зашмыгала носом Виктория.

— Не реви, сейчас будем искать. Я же сама рисовала эту траву и сама в ней что угодно найду.

Карандыши дружно начали озираться вокруг и шарить лапами в траве. Одна Виктория сидела на месте с растерянным видом, продолжала шмыгать носом и, кажется, всё-таки собиралась расплакаться. Карандыши перерыли весь берег, перетряхнули корзинки с остатками еды, но ничего не обнаружили.

— Что делать, что делать? — повторяла Виктория.

— Успокойся, мы его обязательно найдём, — погладила её по голове Карамель.

— Я так боюсь, что не найдём, — не успокаивалась Виктория. — Бабушка Рудольфа говорила: никогда, никогда не расставайтесь с медальонами. Это очень важно. Как же я смогу рисовать, если у меня нет ластика, чтобы в случае чего стереть нарисованное?

— Я уверена, мы вот-вот его найдём, — возразила Карамель. — Не так уж далеко мы сегодня ушли.

Спустя два часа Флопс устало прислонился к дереву, вздохнул и вытер лоб лапой:

— Да, как-то мы перестарались с размерами леса. Мне казалось, что дорожек было гораздо меньше. Может, они потихоньку дорисовывают себя сами?

— Лес небольшой, если не изучать каждый его сантиметр, — проворчала Виола. — Для прогулок вполне подходит. Так что ничего мы не перестарались.

— Всё бесполезно, — Виктория всё-таки расплакалась.

— Насчёт бесполезно я бы не торопился, — вдруг задумчиво сказал Марсик. Он стоял в нескольких шагах от остальных. Все тут же обернулись к нему.

— Смотрите, — он показал куда-то лапой.

За деревьями была полянка. А на полянке — клякса, всё такая же задумчивая. А в одном из её щупалец был медальон.

— Мамочки! — снова сказала Виктория. — А... а... а она его отдаст?

— Обязательно отдаст, — убеждённо сказал Рони-Ру, — она же добрая.

— Сомневаюсь, — отозвался Флопс, — после твоего предложения нарисовать ей хвост.

— Я думал, так будет лучше, хвост — это всегда красиво.

— Хватит, не спорьте, — сказала Карамель, — сейчас надо придумать, как забрать медальон. Может, с ней на что-то поменяться?

— А что мы можем предложить ей такого, что ей может пригодиться? — скептически спросил Герасимо.

— Я пойду сама попрошу. Это всё-таки мой медальон, и я сама его потеряла. — Виктория вытерла нос и решительно шагнула вперёд.

От этого движения клякса попятилась и что-то проворкотала.

— Не очень-то она хочет общаться, — вздохнула Карамель. Её потянул за хвост Рони-Ру.

— Может, я попробую? — неуверенно сказал он. — Она нас боится после моего предложения. — Он помолчал и добавил: — И вообще, всё это неправильно. Мы сами её нарисовали, сами сюда выпустили, сами раскрасили. И теперь пытаемся забрать ею же найденный медальон, вместо того, чтобы чем-то помочь ей. Бабушка Рудольфа всегда говорила, что надо нести ответственность за свои поступки. И никогда не оставлять без присмотра то, что нарисовали.

Он был прав. Карандыши погрустнели.

— Но ластик забрать надо, — тоскливо сказала Виктория. — Что будем делать?

— Я нарисую ей другой, — решил младший карандашонок.

Он выдернул из корзинки для пикника кусочек бумажки и принялся рисовать. Все остальные молча за ним наблюдали.

— Вот он! — наконец закончив, Рони-Ру помахал голубой звёздочкой на шнурке. — Я пойду попробую договориться. — Он повернулся к кляксе, сделал несколько шажков и робко сказал: — Привет.

Клякса молчала. Рони-Ру приободрился и продолжил:

— Смотри, что я нарисовал, — лапка со звёздочкой протянулась к кляксе. — Я хотел бы поменяться на то, что у тебя есть. Вот на это, — он сделал ещё шаг и показал на медальон.

Клякса молчала. Рони-Ру продолжил:

— Не обижайся на нас, мы не хотели тебя испугать. Мы хотели, чтобы ты была красивой, самой красивой в этом лесу.

Клякса не двигалась. Наверное, ей нравились слова Рони-Ру. Тот сделал ещё несколько осторожных шажков.

— Понимаешь, этот медальон, который сейчас у тебя, это моей старшей сестры Виктории. Он очень важен для неё. У каждого из нас есть такой, нам их подарила бабушка. Виктории без него нельзя, она пропадёт, представляешь?

Клякса всё так же молчала. Представляла, видимо.

— Я отдам тебе вот этот взамен, — помахал в воздухе только что нарисованным медальончиком Рони-Ру. — Он гораздо симпатичнее. Пожалуйста, давай поменяемся.

Клякса не шевелилась.

— Не согласится, — взволнованно прошептала Виктория. Карандмышы, затаив дыхание, ждали.

Наконец одна из ножек-щупалец зашевелилась, потянулась к Рони-Ру, а другая мягко опустила медальон на траву.

— Держи, — карандмышонок повесил шнурок с голубой звёздочкой на щупальце, потом наклонился и поднял медальон. — Спасибо, ты добрая.

— Ура! — завопила Виктория. От этого шума клякса подпрыгнула и рванула за ближайшее дерево.

— Спасибо! — ещё раз крикнул ей вдогонку Рони-Ру и, повернувшись, зашагал к остальным. — Вот и всё. Держи. — он протянул Виктории медальон и как-то грустно сказал. — Надеюсь, мой подарок ей понравился.

— Если она захочет, я ей нарисую ещё что-нибудь, — махнула лапой Виктория. — Например, бантики или шляпу, или ...

— Или хвост, — закончила её мысль Виола. Все дружно рассмеялись.

— По-моему, нам пора домой, — сказал Флопс. — Скоро стемнеет. Мы и так уже достаточно нагулялись.

— Как жалко, что заканчивается такой замечательный день, — вздохнул Рони-Ру.

Они не спеша потопали по одной из дорожек, свернули на другую, на третью и внезапно оказались снова у озера.

— Вам не кажется, что мы куда-то не туда идём? — хмыкнул Марсик.

— Заблудились, — вздохнула Карамель. — Только этого нам не хватало. Слишком уж насыщенный сегодня день.

— Я устала, я хочу домой, — капризно сказала Виктория.

— Не ты одна. Давайте осмотримся. Вон те кустики кажутся мне знакомыми, вроде бы мы мимо них проходили, — задумчиво пробормотала Карамель.

Они углубились в чащу леса и поплутали ещё немножко.

— Слушайте, сколько можно? — возмутился наконец Герасимо. — Туда, не туда, те кустики, не те. Где мы вообще?

— Да вон же, смотрите! — Флопс весело замахал лапами. — Та самая дорожка, на которую мы выходили. А вон и цветок, который рисовала Карамель в самом начале. Мы правильно идём. Стойте здесь, а я сбегая, проверю. Край нашего рисунка должен быть совсем близко.

Карандмыши остались ждать Флопса. Все молчали, было как-то жалко уходить из леса.

— А что будет с кляксой? — спросил Рони-Ру.

— Мы её не бросим, — пообещала Карамель. — Она теперь тоже наш друг. Будем приходить к ней сюда, приносить подарки, научим разговаривать и играть с нами. Мы теперь за неё в ответе.

Все снова притихли. Наконец вернулся Флопс.

— Это правильная дорога, — сказал он. — Но нам нужно поторопиться. Кто-то забыл закрыть форточку, и наш рисунок потихоньку сдувает к краю стола. Если он упадёт на пол и перевернётся, мы не сможем выбраться отсюда.

Они почти бегом добежали до края листа. Флопс первым высунулся наружу и пискнул:

— Кажется, сейчас упадём! Цепляйтесь за мой хвост! Только не все сразу!

Карамель вцепилась в хвост Флопса и скомандовала:

— Держите друг друга за хвосты! Виола, возьми Рони-Ру ещё и за лапу!

Флопс наконец выбрался и за что-то там, наверху, уцепился.

— Есть! — крикнул он. И в этот самый момент рисунок соскользнул со стола. Карандмыши гирляндой повисли на хвосте у Флопса. От неожиданности он чуть не разжал лапы. — Слезайте! — заверещал он. — Мой хвост мне ещё пригодится.

— Стоп! Мы забыли! — крикнул Рони-Ру, висящий самым последним. Он отцепился от хвоста Виолы и спрыгнул на пол. Снесённый сквозняком листок лежал изображением кверху, маленький карандмышонок быстро вытащил откуда-то из-под стола табуретку и с грохотом водрузил её на край рисунка. — Вот теперь его больше никуда не унесёт, а то там клякса! — И он отряхнул лапы.

Был уже совсем поздний вечер, когда карандмыши поужинали и разошлись по кроватям.

— Давно я так не уставала, — зевнула Виола, закутываясь в одеяло. — Спокойной всем ночи!

— Спокойной, — эхом отозвались карандмыши.

Виктория тихонько проскользнула к лесенке и поднялась наверх, к Великому Компьютеру. Включила, уселась перед экраном.

«Привет, ну как прошёл день?» — спросил Компьютер.

«Хорошо. Спасибо тебе за идею. Мы отлично провели время и вспомнили, что такое помогать друг другу, учить чему-то друг друга, заботиться друг о друге» — ответила Виктория.

«А что-нибудь новое друг о друге узнали?»

«Да, и очень много! Ты просто не представляешь, каким добрым и смелым оказался малыш Рони-Ру. Мы всегда

считали его самым маленьким и оттого несерьёзным. А он, оказывается, очень умный. Он всегда был любимцем бабушки Рудольфы и теперь я даже понимаю почему. Рони-Ру умеет давать правильные советы и всегда делает это от чистого сердца».

«А все остальные разве нет?»

Виктория задумалась.

«Сегодня мы все старались держаться вместе и бороться с трудностями. Думаю, бабушка Рудольфа гордилась бы нами».

«Будет что рассказать ей, когда она вернётся».

«Да, наверное. Только уехала она уже очень давно, и всё никак не возвращается. Мы скучаем по ней. Она нас столькому научила. Когда уехала, оставила записку, что когда-нибудь обязательно приедет навестить нас, что верит в нас, что знает — каждый из нас найдёт свою дорогу в жизни и будет идти по ней с гордо поднятым носом и добрым сердцем».

Экран мигнул, затем появилась надпись:

«Вы молодцы, ваша бабушка обязательно похвалила бы вас за то, как вы провели сегодняшней день и какие сделали из этого выводы. А теперь спать, думаю, ты еле стоишь на лапах».

Виктория сонно покивала, забыв, что Великий Компьютер не сможет понять этот жест, и нажала на кнопку. Вот и всё. Теперь день можно считать действительно законченным.

Она добралась до кровати, нырнула под одеяло и, уже засыпая, пробормотала себе под нос:

— А всё-таки мы хорошо провели время. Почаще бы так...

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС*

ГЛАВА 13

ТЕЛЕПОРТАЦИЯ С ТРАНСФОРМАЦИЕЙ

«Завтра» началось с небольшого дождичка. Но к девяти уже светило солнце. Мальчики с кошкой спустились к пещерам. Диски-ключи достали одновременно.

— Можно я первым? — попросил Артём. Ему не терпелось испробовать инопланетную штуковину.

— Ты защиту отключай, а я двери открою, — согласился не менее заинтригованный Олег.

Артём просунул в лаз руку с диском, сжал. Ничего не произошло. Друзья переглянулись.

— Как ты думаешь, уже всё? — в голосе Артёма слышалось сомнение.

— Вообще-то, должно сработать.

Встали на колени, поползли. Вилисса прошмыгнула первой. Защиты действительно не было.

Без всяких приключений открылись и двери.

Олл сидела в кресле. Увидев вошедших, обрадовалась.

— Молодцы, что пораньше пришли! Я вас жду, жду!

— А что ты такая нервная? Боишься?

— Боюсь. И за вас, и вообще. Я тут ночью с приборами кое-какими поработала. По всем признакам ситуация ухудшается быстрее, чем ожидалось.

---

*Продолжение. Начало читайте в № 4 за 2019 г.

— Ничего, — оптимистично заявил Олег, хотя и сам волновался не меньше. — А мы её возьмём и улучшим. Так что там по плану?

— По плану, — благодарно улыбнулась Олл, — весьма увлекательное для вас и небезопасное для меня путешествие на мою планету.

— Почему небезопасное?

— Так меня же родители обыскались! Если поймают — ой-ой-ой!..

— А как мы отсюда к вам попадём? — спросил Артём. — Это же чёрт-те где. Вселенная хоть наша или?..

— Или! Только расстояние — не проблема. Здесь установлены терминалы. Через несколько минут увидите.

— Уточни ещё раз, что мы на твоей планете должны сделать? — попросил Олег.

— Возьмём кое-какое оборудование. Во-первых, «Переводчик». Он нужен и для Вилиссы, и вообще полезная вещь. Потом... Для входа в камеру с усилителями разработаны специальные костюмы. Они снижают мощность излучения. Вообще-то они на взрослых рассчитаны, но без них всё равно ничено не получится. Я думаю, заберём их, а здесь уже как-нибудь под Олега подгоним. Пока всё. Дополнительно на месте сориентируемся.

— Олл, скажи, перемещаться — это сложно? Вдруг у нас не получится? Я имею в виду землян.

— У всех получается. Там действуют законы физики, а физике безразлично, кого перемещать — меня, тебя или Вилиссу. Главное, чтобы нас дежурные службы перемещений не засекали. Но это моя забота. Любой ребёнок знает, как их сбить с толку. Да, Вилисса? Как вы диспетчеров запутываете? Даёте сигнал перехода, координаты и просите, чтобы вас пронаблюдали до пункта

назначения? А сами в несколько пространственных прыжков через совсем другие терминалы перемещаетесь куда хотите. Так?

Вилисса утвердительно фыркнула.

— Значит, и вы ничего новенького не изобрели.

— А зачем вам запутывать взрослых? У нас с нашими усилителями и всякими неприятностями — это понятно. Но у вас то?— удивился Олег.

— Ну ты даёшь! — Олл чуть не подскочила. — Тебе понравится, если отправляешься в путешествие на какую-нибудь заповедную планету, там и нет никаких опасностей, иначе бы её для туристов закрыли, а тебя родители вместе со службой перемещений так аппаратурой обложат — ни шагу без контроля и полезного совета. Травинку какую-нибудь сорвёшь — рядом телекамера висит. Под самые руки суётся. Или ещё лучше — «Гид»!

— Гид — это что? полюбопытствовал Артём.

— Механический многофункциональный экскурсовод. Не просто показывает и рассказывает. Ещё и предупреждает, даже защитить может, если что. Вот он и верещит без умолку над самым ухом: туда нельзя, сюда нельзя!

— Сказали бы родителям, что с «Гидом» вам неинтересно, — рассудительно предложил Артём.

Вилисса хмыкнула, Олл рассмеялась:

— Ну ты и наивный! Сто раз говорили. Но это же родители! На всё один ответ: «Ты ещё маленькая. Мы за тебя волнуемся!» Можно подумать, что сами в детстве дежурных не дурили! Ещё как!

— А нас не поймают?

— Опытный дежурный сразу бы вычислил. Но на пассажирских линиях всегда сидят стажёры из Акаде-

мии дальних перемещений и исследования Пространства. Они после окончания Академии два года обязаны на пассажирских трассах отработать. Потом их в дальние экспедиции отправляют. Так что не волнуйтесь, нас не поймают.

— А на твоей планете мы же с Олегом будем как белые вороны.

— Не будете. После перемещения у вас тела поменяются. Как у меня и Вилиссы, когда мы на Землю попали.

Внутри Олега словно что-то оборвалось, стало пусто и гулко. Представилось: вместо рук — клешни, вместо ног — присоски. Голос дрогнул:

— Оль, а назад оттрансформироваться всегда получается?

— Всегда.

— Ты когда впервые перемещалась, боялась? — спросил Артём.

— Не помню. Я совсем маленькая была. Меня мама с папой на Океанию взяли, в отпуск. Там суши нет, только вода. Мы дельфинами были, не земными — океанийскими. Помню, плоский хвост сначала мешал, но потом я привыкла.

— У тебя мы будем на людей похожи или тоже какими-нибудь кошками получимся? — спросил Олег. Его не очень-то привлекала перспектива стать молчаливым беспомощным существом.

— Нет, не кошками. Раз я в человека превратилась, то и вы будете на меня похожи, у нас же миры с одинаковыми физическими константами.

— А к новому телу трудно привыкнуть?

— Вначале даже пошевелиться сложно. Ногой двинул и отлетел на метр. Но прямо в терминале вы пройдёте

обучение по специальной программе. Всего пару минут. Зато после никаких проблем не будет.

— А если, пока мы это обучение проходим, кто-нибудь войдёт? Кому тоже перемещаться нужно?

— Не войдёт. Увидит, что терминал занят. К тому же, пока ты не вышел, дверь не сработает. И потом, — Олл усмехнулась, — кто туда пойдёт, если ты там голый сидишь?

— Почему голый? — покраснел Артём.

— Одежда же не трансформируется вместе с твоим телом! Ты её в пункте отправления снимаешь, а в пункте назначения тебе выдают новую. Уразумел?

— Прямо в терминале выдают?

— Нет, через дорогу на складе! — засмеялась Олл. — Во время трансформации по твоим размерам синтезируется одежда и поступает в шкафчик. А твоя сохраняется, если других указаний не дашь. Ну, что? Вопросы ещё есть? Да не бойтесь вы этой трансформации! Она надёжнее, чем ваши самолёты или автомобили. Лет пятьсот ни с кем никаких неприятностей не случилось!

— А до этого? Раньше, чем пятьсот.

— Когда открыли планету Кел. Там аборигены интересные попались. Они и сами могут трансформироваться. Без приборов. В общем, когда кто-то из них решил впервые переместиться, аппаратуру зациклило. Компьютер-анализатор, который определяет, какая форма подходит лучше, не смог сделать окончательный выбор. И келит застрял в пространстве. Появлялся в одном виде, потом исчезал, через мгновение снова возникал, но в другом варианте.

— И как из этой ситуации вышли?

— Очень просто. Компьютеру поменяли программу — выбирать не оптимальную форму, а первую из возможных.

— То есть, если мне суждено быть собакой или человеком, но собаку определили первой, то меня трансформируют в собаку? — уточнил Артём.

— Нет. Не так. Между собакой и человеком огромная разница. Тут и речи нет о выборе. Но вот если для тебя подходит быть, например, китайцем или эскимосом, будешь китайцем. Лошадью и ослом — будешь лошадью. Понял?

— Угу. Только мне кажется, что я всё-таки осёл.

— Мы все тут ослами станем, если целый день на болтовню потратим, — невесело усмехнулся Олег, — без всякого выбора!

— Действительно, хватит болтать. Всё равно никуда вам от трансформации не уйти. — Олл внимательно посмотрела на мальчишек. Они усердно пытались изобразить из себя супергероев. — Не дрейфьте, пацаны! Прощаться не будем. Незачем. Если нас мои родичи не сцапают, часа через два вернёмся.

— Вилисса, мы тебе «Переводчик» привезём! — Олег протянул руку, чтобы погладить кошку, покраснел и сделал вид, что намеревается пожать ей лапу.

Вилисса фыркнула, но лапу подала.

Вслед за Олл мальчишки прошли длинным коридором в глубь горы. Коридор закончился небольшой комнаткой с компьютером по центру. Каждая из стен имела по пластиковой раздвижной двери, сильно смахивающей на двери лифта.

— Здесь три терминала, — пояснила Олл. — Олег, ты иди первым, потом Артём. Я задам программы, контролирую — и следом за вами. Всё, вперёд!

Пытаясь не выдать своего беспокойства, Олег подошёл к двери. Олл остановилась рядом.

— Приложи к панели руку.

Створки двери разъехались, и Олег, оглянувшись на друзей, вошёл в небольшое помещение.

— Добро пожаловать на станцию перемещений, — произнёс мелодичный женский голос. — Терминал максимально подключён к системе и готов к работе.

— Здравствуйте, — растерянно пробормотал Олег, потом сообразил, что отвечает автомату.

Вдруг одна из стен начала менять конфигурацию. От неожиданности Олег отскочил. Образовавшееся углубление на первый взгляд соответствовало контурам его тела.

— Пожалуйста, освободитесь от одежды, займите место в зоне диагностики и трансформации. Личные вещи поместите в бокс № 1.

Олег покрутил головой. «Интересно, и где же этот бокс?» На одной из стен он увидел большое, в рост взрослого человека, зеркало. «Одежда должна находиться рядом». И действительно, справа, на уровне груди, обнаружилась небольшая панель с цифрами. Помедлив, Олег решительно нажал на единицу, надеясь, что ничего особо здесь не испортит.

В стене образовалась ниша, состоящая из двух отделений. «Для одежды и обуви», — догадался Олег. Он поспешно разделся, мельком глянул на себя, покрытого «гусиной кожей». Аккуратно сложил одежду, положил кроссовки. Потоптался и шагнул в «зону диагностики и трансформации».

Контур ниши действительно совпали с контурами его тела. Пластик коснулся спины — холодная нервная змей-

ка проскользнула от затылка до пяток. Несмотря на все рассказы и уверения, зубы отстукивали плясовую.

— Расслабьтесь, — потребовал голос. — Состояние вашей психики мешает корректному проведению диагностики.

Олег сделал несколько глубоких вдохов-выдохов, согнулся-разогнулся.

— Состояние удовлетворительное. Приготовьтесь. Через несколько секунд начнётся диагностика. Приносим извинения за причиняемые вам неудобства.

Пол ушёл из-под ног, и Олег почувствовал, что теперь лежит на спине.

— Не шевелитесь. Заполнение фиксатором.

В следующий момент густое гелеобразное вещество обволокло тело — Олег оказался вмурованным в тёплый пудинг. Свободными остались только рот, глаза и нос. В висках колотился пульс, дыхание то и дело сбивалось. Находящийся на грани полного расстройства мозг подсказал самое простое решение — закрыть глаза. Реакция последовала незамедлительно:

— Диагностика не завершена. Просьба не прекращать доступ аппаратуры к радужной оболочке глаз.

Олег тут же открыл глаза. Минут пять ничего не происходило. Правда, он старался не мигать, и теперь по щекам ручьём текли слёзы. Хотелось почесать глаза, но руки надёжно удерживались фиксатором. На его счастье, «пытка» довольно скоро закончилась сообщением:

— Диагностика успешно завершена. Приготовьтесь к перемещению и трансформации. Счастливого пути!

Тошнота комом подступила к горлу. Комната потеряла чёткие очертания, затуманилась. Перед глазами все поплыло и...

Олег даже не успел как следует испугаться.

Этот голос был более высоким и резким:

— Перемещение и трансформация успешно завершены. Отклонения параметров структуры тела и личностно образующих показателей в пределах нормы. Добро пожаловать на планету № 94837 Мирового каталога группы классификации СПП-14/19. Местное название Юэ.

Олег с трудом сглотнул: рот и язык представляли собой шершавую безводную пустыню. Кроме того, он обнаружил, что место привычных небольших зубов теперь заняли твёрдые гладкие пластинки. Да и сам язык вдруг стал более узким, длинным и шершавым.

Олег рванулся, но двигаться не мог.

— Фиксатор не снят, — механический голос предупредил его дальнейшие попытки встать.

Почти сразу же под спиной что-то чавкнуло, и заполнитель, быстро теряя вязкость, стёк в открывшиеся отверстия.

— Просим оставаться на месте.

Подул горячий ветерок. «Сушилка!» Одновременно ложе начало медленно переворачиваться. Скоро Олег понял, что стоит на собственных ногах. «Или не ногах? Вот Олька, вредина, хоть бы фотографию показала, как её сородичи выглядят!»

Собравшись с духом, Олег опустил голову. Всё-таки у него были ноги! И даже две. Впрочем, на этом сходство с его собственными ногами заканчивалось. Ступня, узкая и длинная, раздваивалась, завершаясь твёрдыми костяными наростами. Удивительно, но Олег обрадовался. После разговора про лошадей и ослов он почему-то ожидал, что может обзавестись копытами.

Вдруг часть пространства посреди комнаты замерцала и... Существо, которое стояло перед ним, был он сам.

Голографический. Теперь появилась возможность рассмотреть своё новое тело.

Высокий, стройный, с хорошо обозначенными мускулами. Руки — длинные, сухощавые, с тремя ловкими пальцами. На пальцах — аккуратно подстриженные коготки. Голова — круглая, как у человека, но форма другая, хотя тоже ничего себе. Уши не торчат, а нос — какой-то бугорок с дырочками. Зато глаза — сепер! Огромные, оранжевые, зрачки — как у кошки! Мелкие чешуйчатые пластинки различных оттенков светло-коричневого цвета создавали замысловатый рябенький узорчик на спине и задних сторонах конечностей. Несмотря на общую несхожесть с любым земным существом, он посчитал себя красивым.

Олег решил, что пора пошевелиться: с минуты на минуту могут появиться друзья. Он осторожно шагнул и, вскрикнув, вывалился из ниши. По голове и плечам больно хлестнул какой-то канат и остался лежать на лице. Олег поднял руку, с третьего раза у него это получилось, ухватился и с силой его дёрнул. Спину пронзила острая боль. Он вскрикнул и сразу же сообразил, что пытается оторвать свой собственный хвост. Какое-то время Олег замороженно смотрел на длинную толстую чешуйчатую верёвку. Потом разжал пальцы. Хвост шлёпнулся на пол, и Олег ощутил, как непривычно сократились мышцы спины. Хихикнул, вернее, взвизгнул. Звук собственного голоса развеселил его ещё больше.

Корчась от смеха, Олег попытался подняться на четвереньки. История с хвостом не столько развеселила, сколько прогнала страх. Он поднял одну руку, другую, пошевелил хвостом, покрутил головой. Ничего! Если следить за каждым движением, приспособиться можно.

Наметив прямо перед собой на полу точку, он постарался попасть туда ногой. Получилось.

Пошатываясь, падая, Олег поковылял через себя голографического к зеркалу, надеясь рядом с ним найти бокс с одеждой. «Олл предупреждала, чтобы сразу не выходил со станции. Какое там сразу! Вообще бы выйти!»

— Внимание! — От неожиданности Олег вздрогнул, — Вам предлагается обучающая программа. Рекомендуемые разделы: координация, лингвистика. Подтвердите согласие поднятием передней конечности.

«Координация — для хождения, лингвистика — язык. Давайте, валяйте своё обучение!» — обрадовался Олег и поднял повыше руку.

— Подтверждение получено. Займите сидячее положение.

Пол рядом вспучился, образовав кресло. Олег расположился на удобном сиденье.

— Закройте глаза, расслабьтесь. — И, как показалось Олегу, через мгновение он услышал: — Обучение завершено. Коэффициент восприятия — 0,97. Коэффициент запоминания — 0,94. Коэффициент извлечения из памяти — 0,92. Показатели в норме.

Олег медленно открыл глаза. Вспомнил, как в каком-то фантастическом боевике один из героев фильма вот так же мгновенно получал огромный объём информации. Жутко корчился, зрачки расширены, пот градом... А здесь — сел и встал!

Он поднялся — получилось! Кресло ушло в пол. «Суиньялае дэт торп, — пронеслось в голове.— Ух ты, знаю! Это значит — „я на чужой планете“. Как будто сразу на двух языках думаешь — на русском и на юзанском. И никаких помех. Хорошо бы так английский выучить!»

Олег легко прошёлся по комнате. Открыл шкафчик. Взял с полки одежду — вполне земные розовые брюки и салатово-зелёное, совершенно девчачье платье в каких-то асимметричных разводах, с нашивками и кармашками. «Поглядели бы ребята!» Сунул ноги в раздвоенные для каждого из двух пальцев зелёные тапочки. Осталось прицепить куда-то разноцветные колечки то ли из пластмассы, то ли из каких-то натуральных камешков — штук двадцать.

— А это ещё куда? — пробормотал он на юэанском. Услужливый голос незамедлительно предложил:

— Подтвердите необходимость трансляции голографического изображения.

— Подтверждаю, подтверждаю!

Рядом нарисовался голографический двойник Олега в одежде. Брюки и платице, как и ожидалось, были там, где им и положено находиться. А вот цветные колечки равномерно покрывали хвост, от середины до самого кончика. Олег хмыкнул и стал одно за другим нанизывать украшения на хвост. Надев последнее кольцо, Олег ударил пару раз украшенным хвостом, выпрямил плечи и посмотрел на себя в зеркало. Красавец!

— Вас ожидают.

Глянув ещё раз в зеркало, Олег удовлетворённо кивнул и вышел.

Первым, кого он увидел, был Артём.

— Ну у тебя и видок! — одновременно заорали и захохотали оба, тыча друг в друга пальцами.

Артём, в отличие от бежево-коричневого Олега, был сизым с чёткими ярко-лиловыми кольцами. Зато с одеждой ему повезло больше: серые штаны и белое платице. Колечки на хвосте — серебристые.

— Что вы так визжите! — обиженно воскликнула Олл. — Да, у нас разные расцветки, не как у вас. И это красиво! Моя мама тоже лиловая. А папа жёлтый!

Сама Олл-Туату сияла салатово-жёлтыми ромбиками.

— Извини! — Артём примирительно дотронулся до её плеча. — Это мы с непривычки.

— Всё, замяли, — охотно согласилась Олл. — Я когда в человека трансформировалась, тоже хихикала. Такая гладкая розовая сарделька! Теперь слушайте. Сначала идём ко мне и забираем «Переводчик». Тут мне помощники не нужны. Он лёгкий. Главное, чтобы мама с папой не застучали. Вы подождёте у входа. Только, пожалуйста, никакой инициативы. Чуть не забыла! Может подойти Флэк. Он ручной, всех любит. Вас не тронет, если сами не нарвётесь.

— А если нарвёмся, укусит? — уточнил Олег.

— Измусолит. Маленький и глупый ещё. Но это победы. Флэк обязательно разорётся — всю округу на ноги поднимет! И тогда нас точно отловят.

— А ты его запри где-нибудь.

— Вы что! Лучше бы он меня вообще не увидел. Он соскучился. Если засечёт, такое будет!

— Ну, с Флэком ясно, — подытожил Олег. — А дальше что?

— Потом пойдём в лабораторию. Это рядом с нашим домом. Заберём костюм для Олега. Если найдём — ещё пару дополнительных. На всякий случай. И обратно, на Землю!

— Олл, нас, наверное, сейчас служба перемещений ищет, — предположил Артём.

— Ещё как! Наверняка тревога по всей системе объявлена. Только у них ничего не получится. Стажёры за-

путаются. Я такой маршрут задала! Даже ести всё проследят, нас к тому времени здесь уже не будет.

— А вдруг не запутаются?

— Артёмчик, пойми, если бы мы — нехорошие такие — были одни, тогда другое дело. Но у диспетчеров всегда одна грандиозная нескончаемая тревога: детишки балуются. А детишек много. Очень много. Ясно?

— Ясно. Но я всё же не понимаю, почему тебя на Земле не обнаружили? И Вилиссу. Проверили бы показания приборов, и всё!

— «И всё!» — передразнила Артёма Олл. — А голова у меня на что? Я как только на Землю прибыла, сразу кое-что в аппаратуре перестроила. Она теперь на запрос с Центрального пункта трансформации отвечает: «Земной терминал в режиме приёма задействован в ближайшие сутки не был».

— Здорово! — восхитился Артём.

— Ну, раз здорово, тогда пошли, — скомандовала Олл.

ГЛАВА 14

СУИ НЬЛАЕ ДЭТ ТОРП

Терминал располагался в небольшом лесу.

— Как дома... — Олег шёл, разглядывая причудливые, но чем-то схожие с земными, деревья и кусты, почти земную траву. — И небо почти наше. Может, чуть светлее.

— Неудивительно, — сказала Олл. — И вы, и мы — углеродно-кислородная форма жизни. Размеры планет, количество воды практически одинаковые. Мы даже по

классификатору в одну группу попадаем. Различаемся в нюансах. Например, у нас сила тяжести чуточку поменьше, поэтому наш средний рост больше вашего.

— Олл, как ты думаешь, почему мы так друг на друга похожи? Я имею в виду форму тела.

— Оптимальная. Наиболее распространена на всех уровнях.

— А опасные звери у вас есть? — спросил Артём.

— Меньше, чем на Земле, но тоже хватает — в заповедниках.

Олег нащупал языком во рту пластинки, заменяющие зубы.

— Интересно, вы хищные или травоядные?

— Как и вы — всеядные. Сам подумай, разве травоядные животные до разумных разовьются? Трава всегда рядом. Ничего придумывать, изобретать не надо. И скорость обмена веществ тоже недостаточна для активной деятельности. Разве вы в школе этого не проходили?

Олег не ответил. Было стыдно: насколько она больше знает! Действительно, ведь Олл не сказала почти ничего, о чём не говорили бы на уроках биологии, географии, истории. Однако она знала, а он мог либо догадываться, либо довольствоваться её объяснениями.

Тем временем парк закончился. Олл остановилась, жестом притормозила спутников, шепнула:

— Спрячьтесь за деревья. Нужно осмотреться. Родители должны быть на работе. Но кто знает...

Олег послушно шагнул за какой-то куст с длинными тонкими ветками. Артём притаился за деревом. Площадка перед домом заросла зелёной и сиреневой травкой. Дом — белый куб — почти ничем не отличался от зем-

ного жилища. Около дома, прямо под овальными окнами пестрели крупные зелёные и жёлтые цветы. Они напоминали земные одуванчики. Только размером были с футбольный мяч.

— Ну у вас и одуванищи! — шепнул Артём.

— А, ты про клейты! Красивые, правда? Это не местные. Их два года назад мама привезла с планеты-заповедника Теамо. Их все привозили. А прижились они только у нас. Эти цветы считаются в Содружестве самыми капризными. Только вы их руками не трогайте. На Теамо часто бывают бури, поэтому растения научились зарываться в песок. У них корни спиралевидные. Если до растения дотронуться, оно сначала замрёт — будет соображать, опасен ты для него или нет. А потом или останется на месте, или вкрутится в песок. И попробуй достань! Отроешь, а оно — обратно. У всех маминых друзей клейты под землю сбежали. Почему наши остались — загадка.

Олег поймал себя на мысли, что теперь ему больше всего на свете хочется дотронуться до капризного клейта. И посмотреть, сбежит или нет. «Что бы Олл ни говорила, а за листочек я это растение обязательно подёргаю!»

Что-то прохладное дотронулось до его ног. Он дёрнулся, и в тот же миг оказался опутанным до колен ветками куста, за которым так успешно прятался. Стараюсь не паниковать, Олег окликнул Олл.

— Не дёргайся, — предупредила она. — Ты же не клейт! Подумаешь, кустик тебя потрогает. Это тотос. Наш. Местный. Он так знакомится. Запомнит твой химический состав, приняхается и, если ты его не обидишь, будет к тебе очень хорошо относиться.

— Это как? — спросил Артём, с интересом наблюдавший за пленением друга, который теперь напоминал муху в паутине.

— А если мой химсостав ему не понравится? Он меня не придушит?

— Раньше дикие тотосы были обычными хищными кустами. Потом предки создали особый сорт — с геном любви ко всем разумным существам Содружества. Когда жарко, тотос, чтобы не перегреваться, машет ветками. Если посадить его дома или в саду, то можно использовать вместо вентилятора. Но прежде он должен с тобой познакомиться.

Вдруг ветки опали, и Олег почувствовал, что свободен.

Пока тотос разбирался с Олегом, возле дома так никто и не появился.

— Всё, побежали. Только быстро, не отставайте, — решила наконец действовать Олл, и они втроём выскочили из укрытия. У входа в дом она ещё раз осмотрелась и указала на веранду: — Ждите здесь! — И исчезла за дверью.

— Олег, — глаза Артёма подозрительно блеснули, — давай клейты потрогаем, пока Олька не вернулась. Чуть-чуть. Один листочек, а? Так хочется глянуть, как он зарываться станет!

Заговорщики на цыпочках подошли к ближайшему цветку. Жёлтый клейт вблизи оказался ещё красивее. Друзья переглянулись и одновременно взяли за широкий жёсткий лист. Как их и предупреждала Олл, растение затрепетало и так захлопало листьями, что звук эхом прокатился по двору. Затем цветок свернул листья в трубочку и замер — вот сейчас, сейчас... Олег даже

дышать перестал. Но, постояв так минуты две, клейт постепенно расслабился.

— Эх, — вздохнул Артём. Он и сам не знал, чего ему больше хочется — чтобы клейт зарылся в землю или посчитал их друзьями.

— Кажется, мы ему понравились. — В голосе Олега тоже было разочарование.

В следующий момент он увидел, как оранжевые глаза друга выпучились, а зрачок превратился в едва видимую ниточку.

— Сматываемся! — хрипло шепнул Артём и попятился, указывая на что-то за спиной у Олега.

Не дожидаясь второго предупреждения, Олег отскочил и ещё в прыжке развернулся. В метре от них стоял... Более всего это животное походило на мокрицу, правда, высотой с полметра. Там, где предполагалось наличие морды, шевелилась розовая присоска. Внутри воронки просматривался рот и отнюдь не безобидные зубы.

Мальчики рванули в разные стороны. Животное, выглядевшее неповоротливым и медлительным, на самом деле оказалось достаточно резвым. По крайней мере, Олег, сдававший на уроке физкультуры все нормативы по бегу на «отлично», опережал его лишь на полшага. Причём зверюге эта беготня явно не нравилась. Очень скоро чудовище перестало пыхтеть и завизжало так, что пришлось заткнуть уши. От неожиданности Олег резко затормозил и тут же с отвращением почувствовал, как в ногу ткнулась влажная тёплая присоска. Он отскочил в сторону. Зверь пронёсся мимо, сопя и взрывая землю. Наконец мальчики сообразили, что их спасение — на закрытой веранде, и повернули в сторону дома. Зверь, ни на секунду не умолкая, побежал следом.

Из дома выбежала Олл и храбро кинулась монстру наперерез.

— Олька, берегись! — закричал Олег и попытался удержать её за руку. — Чудовище!

— Совсем спятили! — Олл выдернула руку и подбежала к зверю. — Флэк, Флэкушка, обидели маленького. Флэкушка, детка, плачет!

Флэк завихлял всем телом, взвыл ещё громче и стал тереться о ноги Олл, пачкая её свежей землёй и слюнями.

— Ну-ну, будет! — Олл попыталась увернуться от настырного зверя. — Вы совсем рехнулись, — снова накинулась она на сконфуженных мальчишек. — Я же вам сказала: никуда не ходить, ждате на веранде! И про Флэка предупреждала, и что он нервный, и что маленький!

— Ничего себе «маленький»! Откуда мы знали, что это Флэк? На вид — настоящее чудовище! — виновато пробормотал Артём.

— Хорошо, что дома никого нет! Всё бы дело провалили своими воплями.

— Это не мы, это Флэк вопил, — попытался восстановить справедливость Артём.

— Неважно, кто вопил, вы или животное, — не сдавалась Олл. — Придумали тоже — чудовище! Флэк — это как ваш щенок. Только более беззащитный и уязвимый. Потому что лорты сначала в личиночной фазе живут, как Флэк. Они нежные и обидчивые. Ему до окукливания ещё больше полугода осталось.

— А какой он будет потом? — спросил Олег, к которому вернулась способность рассуждать и задавать вопросы.

— Очень красивый. Золотистая чешуя, прозрачные крылья, стройное тело. Если психика не испортится — очень ласковый. На Юэ лортов все любят: и дети, и взрослые. А Флэка мне папа подарил на день рождения. Это мой собственный лорт! — Олл погладила Флэка по спине. — Хватит о нём. «Переводчик» у меня. Идёмте за костюмами — и на Землю. Родители в любой момент могут вернуться.

Олл подвела мальчишек к небольшой постройке рядом с домом. Очевидно, это и была та самая лаборатория, в которой хранились костюмы.

— Олл, — не выдержал Артём, — а мы один клейт потрогали.

— Думаете, что я не догадалась. Меня тоже к ним не подпускали. Так я ночью встала и потрогала. Даже кусок листика отщипнула.

— Мы ничего не щипали! Он только замер и сразу же расслабился.

— Здорово! Хотя, всё понятно. У тебя коэффициент — семь, у Олега — вообще девятка. Если уж от вас клейт сбежит, тогда... Кстати, вы оба можете их на Земле выращивать. Клейты, несмотря на свою чуткость, совершенно неприхотливы.

Лаборатория Олега не удивила. Она была слишком непонятной, чтобы удивлять — уйма устройств, приборов, каких-то приспособлений. Он подумал, что если кто-нибудь спросит, что ему запомнилось на Юэ, он вряд ли сможет внятно описать лабораторию. Вот клейтов, тотоса и лорта Флэка — пожалуйста.

Тем временем Олл приволокла из соседней комнаты три совершенно земных комбинезона и шлемы. Необычной была лишь ткань, из которой они были сшиты.

— Почему они такие зеркальные? — Артём приподнял один комбинезон, повертел в руках шлем.

— Папа говорил, что эта ткань отражает огромное количество энергии. И видимой, и невидимой. Почти всё отражает. Когда Олег войдёт в зону усилителя, костюм задержит бóльшую часть негативной энергии. Но меньшая часть останется. И в этом вся проблема. Для взрослого остаток не смертелен, для ребёнка... — Олл не договорила.

Олег зябко поёжился.

— Послушай, но если в зоне буду находиться только я, и то недолго, — спросил он, стараясь не обращать внимания на неприятные предчувствия, — тогда зачем мы берём с собой ещё два костюма?

Девочка опустила на пол сумку, в которую засовывала шлем, и пристально посмотрела на ребят.

— Вы ещё не поняли? То, во что мы ввязались, — не компьютерная игра, когда у тебя куча жизней и в любой момент можно отключиться. Если усилители перейдут в новый режим, ваша планета будет обречена. Она утонет в ужасе и горе. Каждый возненавидит каждого, эх, да что... Такое и вообразить себе страшно. Тогда, считайте, атлантам с их катастрофой повезло больше, чем вам. Выбора нет. А костюмы... Если тебе, Олег, понадобится помощь, мы с Артёмом войдём в камеру. Пусть это даст всего лишь несколько секунд, но они будут в твоём распоряжении. Это последний шанс, ребята. Понимаете, последний!

— А потом?

— Потом будет потом.

Олег, не в силах выдержать взгляд Олл, отвернулся. Он только сейчас по-настоящему понял, до какой степе-

ни опасно то, что они намереваются сделать. И насколько безысходно будущее его семьи, страны, всего человечества, если не делать ничего. Выбор оказался без выбора.

Артём, заметивший такое состояние друга, шлёпнул его по плечу:

— Держи хвост пистолетом. Прорвёмся! — И протянул свой унизанный серебристыми колечками хвост параллельно полу.

— Знаете, — благодарно засмеялся Олег, — чего мне будет не хватать на Земле? Хвоста! Очень удобное приспособление.

С улицы послышался непонятный шум.

— Берите по сумке, и сматываемся, — скороговоркой шепнула Олл.

Стараясь не суетиться, Олег подхватил две сумки. Они, несмотря на объём, оказались на удивление лёгкими.

— Ты иди первой, будешь открывать и закрывать двери, а мы с Артёмом понесём сумки.

Флэк, поджидавший у дверей, повизгивая, затрусил рядом.

— Да тише ты! — шикнула Олл на Флэка и схватила его на руки. — Я его запру в терминале. Иначе он своими воплями всех соберёт. У нас всегда такое представление, если я без него куда-нибудь уйду. Надеюсь, долго взаперти не просидит.

Счастливый Флэк тем временем усердно слюнявил хозяйку. Олег, не останавливаясь, оглянулся. На площадке возле дома приземлился летательный аппарат — настоящий киношный НЛО. В ту же секунду вся троица ввалилась на станцию.

— Нам везёт, — выдохнула Олл, — никого! Как думаете, нас не заметили?

— Да не должны. Я оборачивался, смотрел, — сообщил Олег.

— Отлично. Минуту собираемся с мыслями — и на Землю!

Флэк, то ли почувствовав расставание, то ли испугавшись новой обстановки, несколько раз тихонько хрюкнул и вдруг пронзительно завизжал.

— Малыш, нам ещё тебя не хватало! — Олл поцеловала Флэка, засунула его в пустую камеру и закрыла дверь. Визг прекратился.

— Мальчики, по кабинам! Вы снова первые, я — за вами. Мне сначала нужно костюмы и «Переводчик» переправить — это совершенно другой режим, для неживых объектов. Да, и ещё... Я для всех нас укажу ускоренную переброску. Если будет тошнить, не обижайтесь. Нам и так пока слишком везёт. Ну, давайте!

Олег заскочил в свой терминал, снял одежду и свалил её в открывшийся в полу утилизатор. Посмотрел в последний раз в зеркало. Ему и вправду больше всего было жалко хвоста.

— Запущен режим экстренной транспортировки. Срочно займите ячейку, — прозвучал механический голос.

Олег поспешно лёг, пошевелился, пристраивая хвост: тот постоянно подворачивался и мешал. Ниша без какого-либо предупреждения перевернулась и сразу же пошла заливка фиксатором.

— Диагностика... Диагностика завершена. Желаем вам удачной транспортировки. Приносим извинения за доставленные неудобства.

«Да ладно уж», — благосклонно подумал Олег, но в следующую секунду ему показалось, что ещё немного и внутренности вывернутся наизнанку, где-то в животе зародилась горячая волна и понеслась к голове и ногам. Олег заорал, рванулся, забыв о заполнителе, и наконец отключился.

Придирчиво рассмотрев себя в зеркале, он первым делом убедился, что хвост исчез. Облегчённо вздохнув, поспешно натянул родные джинсы, пайту и вышел в коридор. Скоро появился Артём.

— Ну, как? — спросил он. — Я думал, меня вывернет наизнанку!

— А я думал, что изнутри взорвусь.

Артём приблизился к Олегу и покачал головой.

— У тебя синяк исчез. И царапина. Интересно, что ты по этому поводу родичам скажешь?

Олег в растерянности схватился за щёку — не болит, кожа гладкая. Потрогал бровь — тоже в порядке. Как он сам этого не заметил, когда в зеркало смотрелся?!

Из терминала вышла Олл.

— Мальчики, что такое? Что-то не так?

— У Олега синяк исчез. И царапина.

— Не удивительно. Ты же заново созданный. Зачем копировать болезни и физические недостатки, если есть возможность воссоздать человека здоровым? Если был перелом или есть запломбированные зубы, можешь про всё это забыть. Даже следов не обнаружишь.

— Здорово! — обрадовался Олег. Уж чего-чего, а зубного врача он терпеть не мог.

— Это всё просто замечательно. Но всё-таки, что с синяком и царапинами делать? — напомнил Артём. — Ро-

дителям что говорить? Синяки ведь за день не проходят, особенно такие.

— У меня грим есть, — подумав, сказала Олл. — Синяк можно нарисовать. А царапины... Не знаю. Может, не заметят?

— Интересно, как долго нас не было на Земле? — спросил Олег.

— По моим часам — около трёх часов. Если они, конечно, не врут, — Артём поднёс экран к глазам друга.

— Не врут. Перемещение идёт через нулевой уровень. Распад-синтез проводится там же. Мировое время на это не тратится. Так что, сколько мы на Юэ были, плюс раздевания-одевания, столько и ушло.